

Untitled

К. Радек. Генуэзская и Гаагская конференции. Эра демократического поцифизма

I.

От Брест-Литовска до Генуи.

Победоносная Октябрьская революция встретила сразу же с глазу на глаз с заклятым своим врагом - с германским империализмом, закованным и вооруженным с ног до головы. Монархия Гогенцоллернов, враг даже обыкновенной буржуазной демократии, принуждена была вступить в переговоры с молодой не окрепшей еще рабочей Республикой, ибо Советская Республика, порвавшая связь с Антантой, означала окончание войны на Востоке. И как бы германский империализм ни ненавидел победоносную революцию, - в тяжелом своем экономическом положении он принужден был идти на компромисс с нею, идти, скрепя сердце. В то время, когда Гогенцоллернские и Габсбургские дипломаты, господа Кюльман и Чернин, пытались ласкать зверя, говорить с ним в тоне, который в наивных мог вызвать впечатление, что они идут на сделку с революцией, генерал Гоффман, действительный представитель империалистской Германии, грозил победившему русскому пролетариату вооруженной рукой. Своей дышащей ненавистью речью против пролетарской диктатуры он выражал истинное отношение империалистской Германии к Советской России. Но и гладкие речи Чернина и Кюльмана были не только дипломатическими фразами, - они были выражением рокового для германского империализма факта, что он вступил в сношения с Советской Россией со связанными руками. Он мог размахивать бронированным кулаком против нее, но он не мог его опустить, ибо для схватки на западе со своими империалистскими конкурентами ему нужна была передышка на востоке.

Мы вспоминаем этот факт, когда пытаемся подвести итоги Генуи и Гааги, потому, что этот факт - раскол в лагере империализма и связывание одного врага Советской России руками другого является основным фактом всей истории внешней политики Советской России. Он стоит у ее колыбели и он является одним из решающих моментов ее внешнего положения и сегодня. Из мемуаров генерала Людендорфа, из документов германского правительства о происшествиях перед германской капитуляцией явствует, что германский империализм до последних своих дней все еще надеялся, что он избавится от необходимости считаться с Советской Россией, что он сумеет дать простор своим классовым вождениям, что ему удастся еще разгромить своего революционного врага. Людендорф подготовлял окружение Советской России: из Гельсингфорса должны были против нее двигаться полчища фон-дер-Гольца; из Киева должен был наступать на Москву Эйхгорн со Скоропадским; в Царицыне работали германские офицеры связи, подготовляя наступление Краснова; в Пскове находилась главная квартира вербовки русской Добровольческой армии. И даже в момент, когда история произнесла уже свой приговор смерти над германским империализмом, генерал Гоффман пытался убедить германское правительство, что ему удастся с теми силами, которые имелись на восточном фронте, взять Москву и Петроград и принести союзникам к переговорам о мире сокрушение Советской России, как искупление за все вины германского империализма и как возможность компенсации его потерь на западе: за выдачу Бельгии, за отказ от колоний должны были союзники отдать Германии на разграбление Советскую

Untitled

Россию. План был невыполнимым не только потому, что занесенный с июля 1918 года над головой германского империализма меч фельдмаршала Фоша уже опустился для сокрушительного удара, не только потому, что передача России Германии в эксплуатацию означала бы восстановление в будущем германского империализма, но и потому, что нельзя было Антанте после четырех лет войны под знаменем сокрушения германского милитаризма сделать его проводником союзной "демократии" в России. Меч не рассуждает, и капиталу безразлично, кто очищает ему путь, но массы, в руки которых капитал вложил меч империалистской войны, думают, и нельзя вырвать из их головы мысли.

Германский империализм был сокрушен и его место занял победоносный французский и англо-саксонский империализм. С глубокой тревогой смотрел победоносный империализм союзников на Советскую Россию. Лучше, чем что-нибудь, выражает эту тревогу меморандум Ллойд-Джорджа от 25-го марта 1919 года, врученный Версальскому Совету Четырех, в котором он заявлял:

"Революция находится в своем начале. В России царствует неистовый террор. Вся Европа проникнута революционным духом. Существует не только недовольство, но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка. В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания; в других странах, как Франция, Англия и Италия, недовольство проявляется в стачках, в нежелании работать, что свидетельствует о стремлении к социальным и политическим реформам, равно как к улучшению условий труда.

"Добрую часть этого недовольства надо признать здоровой. Мы никогда не добились бы длительного мира, если бы мы пытались вернуться к условиям, существовавшим в 1914 году. Опасно бросить европейские массы в объятия экстремистов, которые строят свои планы возрождения человечества на полном разрушении настоящего социального порядка. Они восторжествовали в России. Однако их господство было оплачено слишком высокой ценой. Погибли сотни тысяч людей. Железные дороги, города и все то, что было организованного в России, почти целиком разрушено. Но каким-то путем большевики ухитрились удержать свое влияние на массы русского народа и, что является еще более знаменательным, они сумели создать крупную, повидимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова перенести любые жертвы за свои идеалы. Через какой-нибудь год Россия, проникнутая энтузиазмом, обладая единственным войском в мире, борющимся за идеал, в который оно верит, может начать новую войну.

"Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. Германия может предоставить свои богатства, свой опыт, свои обширные организационные способности в распоряжение фанатиков-революционеров, мечтающих о завоевании мира большевизмом силою оружия. Эта опасность - не простая химера. Современное немецкое правительство слабо и не пользуется престижем; оно держится только потому, что вне его имеется лишь возможность захвата

Untitled

власти спартакистами, а для этого Германия еще не созрела. Однако спартакисты пользуются настоящим моментом с большим успехом, уверяя, что лишь они одни смогут вывести Германию из невыносимых условий, в которые ее поставила война. Они предлагают избавить Германию от всех ее долгов союзникам, а также своим имущим классам. Они предлагают ввести полный контроль над промышленностью и торговлей в Германии и обещают рай и обетованную землю. Правда, за это Германии придется дорого заплатить. Года два-три будет господствовать анархия, быть может, кровопролитие, однако, в конце концов, после этого хаоса земля и люди ведь не исчезнут, останется и большая часть домов, фабрик, улиц и железных дорог, и Германия освобожденная от иностранного насилия, начнет новую эру своей истории. Если в Германии власть будет захвачена спартакистами, она неизбежно соединит свою судьбу с судьбой Советской России. Если это произойдет, вся восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию, и через год перед нами будет под командой немецких генералов и инструкторов многомиллионная красная армия, снабженная немецкими пушками и пулеметами и готовая к нападению на западную Европу"*1.

Так оценивали положение Ллойд-Джордж и Вильсон, и поэтому они требовали переговоров с Советской Россией с единственной целью разоружения ее (миссия Булита служила этой цели). Как во всех других вопросах Вильсон и Ллойд-Джордж должны были уступить пьяному победой французскому империализму, который надеялся сокрушить и Советскую армию. Они должны были уступить, ибо стоящие за ними общественные круги, крупная буржуазия _____

*1 F. Nitti, Европа без мира, стр. 78-86. Русский перевод. Берлин, изд. Волга, 1922 г. решили расправиться с революцией, а не делать ей уступки. Союзники признали Колчака, как верховного правителя России и взяли на себя исполнение программы генерала Людендорфа и генерала Гоффмана. Но они не были в состоянии исполнить своего решения. - Причин их банкротства много. В основном они сводятся к двум: первую причину надо искать в послевоенном отношении пролетариата к буржуазии; вторую - во взаимном недоверии русских и окраинных белых, третью - в конкуренции союзников, которая начинается с момента их победы над Германией.

Мировой пролетариат, ослабленный войной, развращенный политикой реформистов, не был в состоянии поднять знамя революции против буржуазии. Но буржуазия не была в состоянии принудить его воевать против Советской России; союзники оказались не в состоянии послать свои войска против Красной армии. Первая попытка сделать это окончилась восстанием во французском флоте. Союзники принуждены были ограничиться посылкой вооружения и денег белым. Но, делая это, они одновременно подрывали всякое доверие белых к себе. Франция, в смертельной тревоге перед возможностью будущего русско-немецкого союза, создала Белую Польшу. Англия, стремясь осуществить азиатские свои планы, во время отсутствия России захватила Константинополь - цель стремлений русских белых; навязала Персии договор, превращающий эту страну в вассала английского империализма. Мало того: чтобы подготовить свое будущее экономическое господство в России, она поддерживает прибалтийскую мелкую буржуазия в ее стремлениях к независимости, дабы сделать Ригу и Ревель на деле английскими гаванями. Это вызывает среди белых смущение и

Untitled

создает в них стремление опереться на германских белых, перекинуть мост к ним, дабы в будущем Белая Россия не была бы отдана на съедение победоносным союзникам (поход Бермонта с фон-дер-Гольцом). Взаимное недоверие между русскими белыми и союзниками обостряется, когда союзники начинают вести борьбу между собой за гегемонию на континенте. Попытка Англии стать твердой ногой в Прибалтике вызывает у Франции стремление сделать из Польши исключительно французский плацдарм. Англия смотрит на Польшу враждебными глазами. В цитированном выше меморандуме Ллойд-Джордж говорит о Польше, как о стране, которая "во всей своей истории ни одного раза не доказала способности к действительному управлению собой". В то же самое время Балтийские Республики, поддерживаемые Англией, долго встречают враждебное отношение Франции. Единый фронт союзников против России опирается на очень слабый фундамент. Противоречия в лагере союзников ослабляют их борьбу с Советской, суживают размах этой борьбы. И когда Советская Россия побеждает Колчака и Деникина, Англия отказывается от дальнейшей вооруженной борьбы.

Весь 1920 год до марта 1921 г., до заключения торгового договора между Англией и Советской Россией, является годом борьбы между тенденцией не сокрушения Советской России, а стремлением разоружения ее изнутри. Еще летом 1920 года Франция поддерживает Польшу в ее вооруженной борьбе против Советской России, признает Врангеля. Но уже после сокрушения Врангеля во время рижских переговоров Франция внутренне признает свое поражение в вооруженной борьбе против Советской России. Пуанкаре и Барту выступают публично за переговоры с Советской Россией. Переписка Бриана с английским правительством с ноября 1920 года до заключения англо-русского торгового договора является выражением нового факта, который с этого времени будет играть значительную роль в борьбе за отношение капиталистического мира к Советской России. Бриан признает необходимость мирных переговоров с Советской Россией и он хочет создать общий фронт союзников для этих переговоров. Но английское правительство оттягивает ответ на его предложение, чтобы наконец холодно ответить: мы торговый договор заключаем и если Франция хочет - она может к нему примкнуть. Английский капитализм пытается использовать тот факт, что он первый повернул на мирные рельсы, он хочет пожать плоды этого первенства. Ллойд-Джордж выступает публично, как ангел мира с Советской Россией, и проповедует всем народам мир с нею. Но английская дипломатия не только не делает ничего, чтобы облегчить Франции заключение мира с Сов. Россией, но, наоборот, английская дипломатия стремится к сепаратной частичной сделке с Россией. Приглашение Франции сесть в русском вопросе на английский корабль является попыткой унижить Францию и таким образом оттянуть момент франко-русской сделки. Английская игра увенчивается успехом, ибо ей помогает нерешительность французской политики, - политики полной противоречий, политики, не решающей сказать открыто французской буржуазии, что она проиграла вооруженную борьбу с Советской Россией.

Торговый договор с Англией, мирные договоры с Эстонией, Латвией, Финляндией, Польшей, торговые договоры с Германией, Норвегией, Швецией являются перемирием с Советской Россией, - не миром; они открывают путь для торговли с Россией за наличные, - торговли, которая, при размерах русского золотого запаса, не может быть значительной. Все эти договоры оставляют открытыми все вопросы, без решения

Untitled

которых невозможен более плодотворный и более продолжительный товарообмен между первым пролетарским государством и капиталистическим миром. Но 1921 г. выводит наружу новые факторы, действующие по направлению растущего понимания необходимости более основательной, более продолжительной сделки с Советской Россией. Первым этим фактором является хозяйственное и политическое положение Европы за три года после Версальского договора, вторым - новая экономическая политика Советской России.

Франко-английская конкуренция, которая с силой начала проявляться во время вооруженной борьбы союзников с Россией, разраслась в англо-французское соперничество во всем мире, которое угрожает привести Европу к новой войне. Обе державы, подписавшие Версальский мир, выступают по отношению к Германии не как один фронт, а в качестве потенциальных противников. Всякое мероприятие, предлагаемое Францией для принуждения Германии исполнить решения Версальского договора, находит противодействие со стороны Англии, ибо экономические последствия Версальского мира оказались убийственными для английской торговли и промышленности, в то время, как Франция, менее зависимая от международной торговли, эти последствия переносит более легко. Мало того: то, что кажется безумством французской политики - систематическое понижение курса германской марки насильственной политикой Франции, на деле является средством достижения более далеко идущих планов французского империализма. Экономический распад Германии дает возможность Франции отделить Прирейнскую область и втянуть в экономическую связь с Францией. Одновременно она открывает Франции возможность захвата Рурского бассейна и, таким образом, - положения основы для объединения германского угля с французской рудой и создания базиса для экономического господства Франции на континенте. Если уничтожение покупательной силы Германии влечет за собой усиление безработицы в Англии, то выполнение дальнейших планов французского империализма создает опасность французской экономической и политической гегемонии на всем континенте, опасность создания в лице Франции конкурента в десять раз сильнее, чем была побежденная Германия. На Ближнем Востоке Франция всеми силами подрывает влияние английского империализма; она поддерживает возрождение Турции и, таким образом, угрожает уничтожить один из главных результатов войны для Англии - расчленение последнего независимого магометанского государства в Европе, и создание территориальной связи между Египтом и Индией. Созданием подводного флота Франция угрожает морской безопасности Англии, и так уже отказавшейся от владычества на море на Вашингтонской конференции. Англия принуждена стремиться к усилению России, как континентальной силы, враждебной Франции. Она хочет создать в России базу не только для экономического возрождения Германии, но и для политического и военного возрождения. Это положение толкает Англию на признание Советского правительства и заключение мира с Россией. Само собой понятно, что такая перемена английской политики не может быть результатом сразу принятого решения; Англия пытается предварительно сговориться с Францией по всем спорным пунктам, она пытается создать новую Антанту на основе учета новых условий и новых противоречий. В меморандуме, предложенном английским правительством французскому в Каннах 4-го января 1922 г.*1, Англия предлагает Франции полный пересмотр отношений обеих стран. Она предлагает ей на десять лет гарантии вооруженной защиты против реванша

Untitled

Германии; она предлагает ей сделку насчет заключения совместного мира с Советской Россией, при чем обе державы должны защищать интересы старых кредиторов России, как и пострадавших от революции иностранных капиталистов. Взамен этого она требует отказа от враждебной Англии политики на Ближнем Востоке, отказа от постройки подводных лодок, в которых Англия видит угрозу для себя, и умерения требований по отношению к Германии. _____

*1 "The Round Table", Лондон, Март 1922, стр. 270-278. Несмотря на то, что за свое согласие на эту программу правительство Бриана должно было поплатиться отставкой, Англия заставляет Францию явиться в Геную, где, по крайней мере, должен был быть решен вопрос об отношении к России.

Стимулом для попытки решения русского вопроса является, кроме названных выше моментов, новая экономическая политика. Новая экономическая политика в глазах Англии представляется в качестве отказа Советского правительства от всякого социалистического строительства. Мотивируя в парламенте англо-русский торговый договор, Ллойд-Джордж указывал на то, что революции рождаются от нужды и нищеты масс. Помочь Советской России выбраться из ее плачевного экономического положения - это означало бы окончить период революционных потрясений в России и открыть период перехода Советского правительства на рельсы капиталистического развития. В речи своей, от августа 1921 г., посвященной голоду в России, Ллойд-Джордж развивает картину проникновения России английским торговым капиталом, который должен ускорить возвращение России к нормальному капиталистическому хозяйству. Невозможность справиться с политической и экономической разрухой, вызванной последствиями войны, принудила союзников к попытке распутать узел на Генуэзской конференции. Посмотрим, готовы ли они были принести жертвы, необходимые для двойного компромисса: компромисса между собой и с Советской Россией, новым, революционным государством, оставшимся после первой волны международной революции, вызванной империалистической эпохой.

II.

Генуэзская программа европейского капитализма.

Генуэзская конференция была формально созвана для решения вопросов хозяйственного возрождения всей Европы. Она является звеном в цепи попыток торговой и промышленной мировой буржуазии задержать стремительный хозяйственный развал, ликвидировать наследство Версаля, как орудия победы военщины, не считающейся с требованиями хозяйственной жизни. Первым шагом на этом пути была Вашингтонская конференция, целью которой являлось создание компромисса на Дальнем Востоке, компромисса за счет японского империализма в пользу промышленной и торговой буржуазии Америки и Англии. В Вашингтоне компромисс не состоялся, но империалистические соперники дали друг другу передышку. Вторым этапом должна была быть Генуя. Но еще перед началом Генуэзской конференции общая цель была убита противоречиями, господствующими в лагере империалистов. Отсутствие Америки в Генуе означало, что если английский промышленный и торговый

Untitled

капитал, интересы которого отражает политика Ллойд-Джорджа, был намерен выдвинуть вопрос о пересмотре Версальского договора, если для облегчения уступок со стороны Франции, он хотел апеллировать к карману Америки, то Америка наотрез отказалась от этого. Она не хотела явиться в Геную, дабы не быть принужденной отказаться в уничтожении долгов союзников по отношению к ней. С момента, когда выяснилось, что Америка не принимает участия в Генуэзской конференции, Франция накладывает свое вето на всякое рассмотрение вопроса о германских репарациях - центрального вопроса европейской капиталистической политики. Ибо всякое решение этого вопроса, при отсутствии американских уступок, означало, что цену возрождения германской буржуазии придется уплатить французской. Без финансовой помощи Америки и без права тронуть Версальский договор, Генуэзская конференция могла заняться на деле только русским вопросом. Все прочее, это - были бы разговоры о "коммерческой морали", чтобы употребить слова итальянского премьер-министра господина Факта. Не попытавшись согласовать своих интересов, не уничтожив громадные противоречия в лагере капиталистического мира, европейский капитал взялся за попытку уничтожения противоречий между капиталистической Европой и Советской Россией.

Конференция была посвящена экономическому возрождению Европы. Она взялась за кусок этого вопроса, за вопрос хозяйственного сближения Советской России, за вопрос о хозяйственном возрождении громадной страны, которая перед войной поглощала с каждым годом все больше товаров и которая являлась все растущим источником сырья. Союзники явились на конференцию с так-называемым предварительным отчетом экспертов*1, которые собрались в конце марта в Лондоне для разработки предложений, долженствующих способствовать компромиссу между Советской Россией и капиталистическими державами. Правительства союзников заявили, при дальнейших переговорах с представителями Советской России в вилле "Альберти", что эти предложения экспертов не являются обязательными для союзных правительств, что они являются именно только предложениями экспертов, которые должны служить отправным пунктом для дискуссий. Но на деле, как показали переговоры в Генуе и Гааге, предложения экспертов являются фактической программой-максимум союзников. И поэтому очень интересно остановиться на этих предложениях, ибо они бросают наиболее яркий свет на то, как союзники представляли себе возрождение русского хозяйства.

Статья 1 главы 1 доклада экспертов устанавливает: "Российское Советское правительство должно будет принять на себя финансовые обязательства своих предшественников, т.-е. Российского императорского правительства и временного русского правительства, в отношении иностранных держав и их подданных".

Статья 2-я определяет: "Российское Советское правительство должно будет признать финансовые обязательства всех бывших поныне в России властей, как областных, так и местных, а также обязательства предприятий _____"

*1 Все документы, касающиеся Генуэзской конференции, изданы в Риме Gianini; их можно найти тоже в книге I. Saxon Mill: The Genua Conference, London 1922. Hutchinson et C°, которая является апологией Ллойд-Джорджа. По-русски документы полностью не

Untitled

опубликованы. Частично в брошюре Штейна о Генуе, изданной Госиздатом, и в сборнике Наркоминдела. общественной пользы в России, как в отношении других держав, так и подданных, и гарантировать их выполнение".

Статья 3-я определяет: "Советское правительство должно будет обязаться принять на себя ответственность за все убытки материальные и непосредственные, независимо от того, проистекли они в связи с договором или нет, если эти убытки произошли от действий или упущений Советского или предшествовавших ему правительств, либо властей областных и местных или же агентов этих правительств или властей".

Таким образом экономическое возрождение России должно было начаться с признания долгов, возмещений за все причиненные иностранному капиталу революцией убытки. Что здесь дело не шло о признании только моральном, это следовало из дальнейших пунктов доклада экспертов, который, затребовав назначения комиссии русского долга, установил обязательство России начать платежи с 1927 года. Мало того, во втором приложении к этим требованиям предвиделось: "Определять, в случае надобности, те доходные статьи России, которые должны быть специально предназначены для обеспечения уплаты долга, как, напр., отчисления из некоторых налогов или сборов и обложений, падающих на предприятия в России. При случае иметь надзор, если комиссия признает это необходимым, за взиманием всех этих сумм или части их и принимать их в свое заведывание". Установление надзора над русскими финансами не было последним из притязаний союзников. Россия не только должна была обязаться уплачивать старые долги, она должна была восстановить иностранных капиталистов в их старой собственности.

7-й параграф второго приложения устанавливает: "Пред'явители претензий получают право требовать возвращения имущества, прав и интересов. Если имущество, права и интересы еще существуют и их принадлежность может быть установлена, они будут возвращены. Сумма вознаграждения за пользование ими и ущерб, нанесенный за время из'ятия их из владения собственника, поскольку не имеется соглашения между Советским правительством и заинтересованным лицом, будут определяться смешанными третейскими судами. Если имущество, права и интересы более не существуют или принадлежность их данному лицу не может быть доказана, или когда пред'явитель требований не желает возвращения, его требование может быть удовлетворено путем соглашения между ним и Советским правительством, либо путем назначения ему равноценных имуществ, прав и интересов с прибавлением вознаграждения по обоюдному соглашению, либо, когда таковое не состоялось, по решению смешанных третейских судов или путем иных мер, принятых по соглашению".

Восстанавливая иностранных капиталистов в их имуществе, накладывая на Советскую Россию обязательство уплаты всех долгов, союзникам оставалось еще только озаботиться о режиме капитуляции.

В приложении 3-м эксперты союзники предписывают Советскому правительству исполнение следующих "принципов правосудия": "1) независимость судебной власти от власти исполнительной; 2) гласный суд, отправляемый профессиональными судьями,

Untitled

независимыми и несменяемыми; 3) применение законов, предварительно опубликованных, равных для всех и не имеющих обратной силы. Эти законы должны обеспечивать иностранцам необходимые гарантии против произвольных арестов и нарушений, неприкосновенность жилища; 4) свободный доступ в суды иностранцам, которые не должны, как таковые, подвергаться никаким ограничениям; иностранцам предоставляется право быть представленными на суде адвокатами по собственному выбору; 5) судебная процедура, подлежащая применению в судах, должна облегчать правильное и быстрое отправление правосудия, должно быть обеспечено право на апелляцию и пересмотр дела; 6) договаривающиеся стороны будут иметь право предусматривать в договорах применение иностранного закона и суд обязан в таком случае применять этот закон". Все эти предложения экспертов означают или требования установления в России общих законов, соответствующих интересам иностранного капитала, или же открыто требуют применения иностранных законов в России.

Меморандум экспертов заслуживает глубочайшего внимания, ибо он является той программой, которую союзники хотят в России на деле осуществить и которую они осуществили бы в случае победы белых в России.

Перед тем, как перейти к борьбе, которую советская делегация повела против этих предложений, стоит в нескольких словах остановиться на ближайших экономических последствиях требований союзников, как они установлены ответным меморандумом Сов. делегации, ибо эти простейшие факты, установленные Сов. делегацией, показывают, как требования союзников противоречат не только интересам русского рабочего класса и крестьянства, но как они являются требованиями, противоречащими простейшим фактам, требованиям, которых абсолютно нельзя осуществить без полного закабаления России:

"В меморандуме не упоминается возможная цифра долгов России, вытекающая из всех обязательств по старым долгам и частным претензиям. Но, согласно подсчетам, делавшимся в иностранной экономической печати, сумма долгов по всем перечисленным в меморандуме категориям должна равняться, приблизительно, 18 1/2 миллиардов зол. рублей. За вычетом военных долгов получается сумма довоенных долгов и частных претензий, с процентами по 1-е декабря 1921 года, в цифре около 11 миллиардов, а с процентами по 1-е ноября 1927 года около 13 миллиардов. Если допустить на минуту, что Советское правительство согласилось бы платить по этим долгам полностью, и в положенный срок, то первый взнос с процентами и с погашением 1/25 долга потребовал бы суммы около 1,2 миллиарда. Царское правительство с огромным напряжением платежных сил населения в состоянии было на основе довоенной продукции в хозяйстве и довоенных размеров внешней торговли, имевшей превышение вывоза над ввозом, в последние 5 лет перед войной в среднем 366 миллионов в год, выплачивать процентов и погашения около 400 миллионов рублей в год. Чтобы иметь возможность выплачивать указанную сумму в 1,2 миллиарда в год, Россия должна не только достигнуть довоенной продукции к 1927 году, но и превысить таковую в 3 раза. Так как ежегодный чистый национальный доход России равнялся перед войной 101 руб. на душу населения, а в настоящее время составляет около 30 рублей на душу, т.-е. уменьшился более, чем в 3 раза, то меморандум экспертов

Untitled

молчаливо, повидимому, предполагает, что за 5 лет наш национальный доход должен возрасти в 9 раз. Насколько не осуществимо это предположение, видно из того, что национальный доход Англии, Франции, Германии и России на душу населения с 1894 по 1913 год возрос в среднем на 60%, или увеличивался на 3% ежегодно. Российская делегация вполне согласна с тем, что при советском режиме производительные силы России будут развиваться гораздо быстрее, чем они развивались в капиталистических странах Европы и - при царском режиме - в России до войны, и готова допустить, что этот доход будет увеличиваться в два раза быстрее. Но делегация, как это ни лестно было бы для Советской власти, считает все же неосновательным предположение, что рост ежегодного дохода на рост населения с 1922 года по 1927 год будет идти ровно в 60 раз быстрее в сравнении с довоенным ростом. Производство в России глубоко расстроено. Чистый годовой национальный доход страны упал с 12 миллиардов - до войны до 4 миллиардов по самым оптимистическим подсчетам. Если национальный доход наш будет расти в два раза быстрее, чем до войны, и удвоится в 16 л., то стране нужно будет 25 лет, чтобы вернуться к уровню довоенной продукции. А так как в первую очередь и с максимальной аккуратностью страна должна будет платить и проценты и погашения по новым займам, которые помогут ей хозяйственно подняться, и эти платежи должны начаться гораздо раньше указанного выше срока, то для уплаты по другим обязательствам в России на сколько-нибудь предвидимый исторический срок, вообще, нет и не будет никаких ресурсов. Этот вывод могла бы подтвердить любая беспристрастная и научно добросовестная комиссия экспертов экономистов, которая имела бы возможность ознакомиться с состоянием нашего народного хозяйства.

"Насколько чудовищно велики предъявляемые нам к уплате требования, видно из следующих данных: царское правительство платило ежегодно перед войной по своим долгам сумму, равную 3,3% всего государственного бюджета. Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через 5 лет такой суммы, которая равна 20% всего возросшего на 30% национального дохода и около 80% всего теперешнего государственного бюджета России, при чем уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в 7-8 раз больше национального дохода России".

Само собой понятно, что эксперты союзников совершенно легко могли бы подвести тот же самый подсчет и что они наверное знали, что экономические требования союзников не исполнимы в той форме, в которой союзники их ставят. Но они выполнили эти требования, потому что требования эти в форме меморандума союзников маскировали настоящие цели союзной политики. Если Россия не в состоянии уплатить золотом или товарами сумм, требуемых союзным капиталом, то пусть она отдаст союзникам неразработанные богатства России, пусть она компенсирует их рудниками, угольными шахтами, залежами нефти, лесом, сдачей железных дорог. Чтобы придать своему разбойничьему плану характер "восстановления русского хозяйства", или, по крайней мере, характер "справедливых" требований "возмещений", союзники выдвинули невозможные требования уплаты долга, возмещения убытков, дабы Сов. Россия, заявив, что она не в состоянии нести эти тяжести, предложила возмещение их предоставлением громадных концессий иностранному капиталу. Смысл предложения союзников был ясен. Восстановление европейского капитала путем переложения значительной части

Untitled

тяжестей войны на Россию, как на страну побежденную.

Но Россия не явилась в Геную страной побежденной, и Советская делегация в переговорах, веденных за кулисами Генуэзской конференции в вилле "Альберти", выдвинула свою точку зрения. Она, во-первых, установила наши контр-требования возмещений за интервенцию, которая была войною союзников против Сов. России. Ллойд-Джордж пытался парировать этот удар, указывая на то, что во время английской революции Франция поддерживала английских роялистов, что во время Французской революции Питт поддерживал французских роялистов, но что все-таки ни Англия, ни Франция не требовали друг от друга возмещений за разрушения гражданской войны. Ллойд-Джордж, как ему это доказал в своем ответе Чичерин, не учел в своих аналогиях одного существенного факта. В то время, когда Карл I имел собственную роялистическую армию, в то время, когда французские роялисты стали во главе громадного Вандейского восстания, армии русских белых были созданы союзными правительствами. Союзные правительства признали Колчака и Деникина. Армия Колчака была подчинена, как это явствует из документов, захваченных у Колчака, французскому командованию генерала Жанетта. Белые армии были таким образом армиями союзников. Но совершенно независимо от тех или других исторических аналогий и прецедентов при оценке союзных требований уплаты долгов и возмещений, решающим фактором являются последствия этих требований. Последствием этого было бы закабаление целого поколения русского населения, отдача в руки союзников богатств России, установление в России колониального режима. Если Ллойд-Джордж возражал против какого бы то ни было признания обязательства союзников возмещать убытки России или даже компенсировать убытки иностранных капиталистов убытками, понесенными Россией благодаря интервенции союзников, то это означало бы ни больше, ни меньше, чем требование, чтобы Россия, победившая белые армии союзников, признала себя побежденной и взяла на себя роль союзной колонии. Этого факта нельзя устранить никакими любезностями Ллойд-Джорджа и никакими плодами его остроумия, которых о в протоколах переговоров в вилле "Альберти". Барту, представитель Пуанкаре, был вполне прав, когда установил, полемизируя с Чичериным, что и Англия и Франция выступают в данном деле заодно, что меморандум экспертов есть совместный меморандум, за который ответственны все союзные правительства.

После ответа Чичерина союзники требовали взаимного пересмотра позиций обеих сторон по пунктам отношений их к вопросу о частной собственности, как и к вопросу о возмещениях и долгах. Взгляды союзников, как их можно представить на основе протоколов дискуссий, сводились в окончательном счете к следующему. Не признавая за Россией права на возмещения за потери, причиненные ей интервенцией союзников, ибо, как заявлял Ллойд-Джордж, союзники признали бы этим себя побежденными, они готовы были, ввиду экономического положения России, списать неопределенную часть долга из своих требований, но они настаивали на признании предвоенных и военных долгов. Только Шанцер, итальянский министр иностранных дел, указывал на то, что военные долги будут требовать общего решения и что, когда наступит момент этого общего решения, т.-е. взаимного отказа союзников от взаимных обязательств, то тогда и вопрос о военном долге России может заново быть решенным. Что касается вопроса о восстановлении частной собственности иностранных капиталистов, то этот вопрос не

Untitled

подвинулся ни на шаг вперед, ибо, если англичане выдвинули формулу обязательной аренды всего имущества, принадлежавшего в прошлом иностранцам на срок 99 лет, то эта формула представляла собой только замаскированную формулу возвращения частной собственности. Обязывая Советское правительство вернуть всякому владельцу участка угольного или нефтяного его бывшую собственность или возмещение, союзники делали невозможными, как это правильно указал Красин, всякие мероприятия Советского правительства, имеющие целью улучшить хозяйство России. В нефтяной и угольной промышленности настолько переплетены хозяйственные комплексы, связанные между собой, что возврат к предвоенной капиталистической чрепосолице означает задержку всякого технического прогресса, без которого Россия не в состоянии выйти из своего бедственного положения. Требования полного возмещения частных капиталистов в том случае, если им не может быть возвращено старое имущество или если Сов. Правительство будет считать необходимо интересах будущих своих хозяйственных мероприятий, не отдавать данного имущества, означало бы для Сов. правительства фактическую необходимость возвращения всего. От того, что этот возврат будет называться не реставрацией частной собственности иностранцев, а арендой на 99 лет, ничто не меняется. Что касается наглых требований режима капитуляции для иностранных капиталистов, то союзники были готовы отказаться от них только при условии, что Сов. Россия капитулирует, вообще, перед капиталистами и даст в общих законах, обязательных и для русских капиталистов, то, чего они в меморандуме добивались только для иностранных капиталистов.

Взамен за реставрацию имущества иностранных капиталистов, взамен за то, что Россия возьмет на себя громадное бремя долгов и возмещений, взамен за то, что будут установлены в России на деле капиталистические порядки, союзные державы обещали создать международный синдикат для эксплуатации России. О каких бы то ни было кредитах для Сов. правительства не было и речи. Речь шла только о кредитах для иностранных капиталистов, которые будут работать в России. Всякое указание на простейший факт, что без иностранных кредитов Сов. правительство не в состоянии продолжительное время ни улучшить транспорта, без которого невозможно скорое хозяйственное развитие России, ни восстановить денежную систему, со стороны союзников не получалось никакого ответа. Но их умолчание не выражало теоретической беспомощности. Ллойд-Джордж наверное понимает очень хорошо, что без железных дорог, телеграфов и твердой денежной системы нельзя вести торговлю и восстанавливать промышленность. Он не отвечал ничего по той простой причине, что его молчание представляло собой политическую программу, программу, состоящую в том, что, не получив кредитов для создания транспортных и финансовых условий развития промышленности, Сов. правительство было бы принуждено сдать в концессии жел. дороги, почту и телеграф, как и предоставить за границе право эмиссий в России. Программа, развиваемая в вилле "Альберти" и нашедшая позже выражение в союзном меморандуме от 2-го мая, являлась программой всего европейского капиталистического мира. Факт на-лицо, что с этой программой был согласен и Жаспар, представитель Бельгии, и Барту, представитель Франции. Если их правительства впоследствии отказались от подписания даже этой хищнической программы (еле-еле в нескольких пунктах, так, напр., в пункте о восстановлении частной собственности, кое-как замаскированной), то это явилось результатом борьбы противоречивых интересов,

которая разыгралась вокруг Генуэзской конференции.

III.

Американский нефтяной трест саботирует Генуэзскую конференцию*1.

Отказавшись от попытки говорить с Россией языком ультиматумов, Франция является в Геную с той же хозяйственной программой по отношению к России, что и Англия. То, чем она отличается от Англии - это решительное настаивание на требованиях, чтобы в Генуе не был выдвинут никакой другой вопрос, кроме русского. Французское правительство знает великолепно, что русская политика Ллойд-Джорджа является осколком его общей политики. Решившись внутренне на отмену политики интервенций по отношению

*1 Все сведения о роли нефтяного капитала в Генуе и Гааге почерпнуты мною из докладных записок тов. Аренса, одного из наиболее ценных постоянных информаторов Н. К. В. Д., работающих под руководством тов. Лапиского над научным освещением событий международной политики. Очень жаль, что эти доклады доступны только ограниченному кругу лиц. к России, если Россия признает долги и пойдет в кабалу к союзникам, Франция уже не может согласиться в Генуе на переговоры о каких бы то ни было других вопросах европейской политики, по той простой причине, что, если в русском вопросе создан был уже в Лондоне единый фронт Франции и Англии, нашедший свое выражение в мартовском меморандуме экспертов, требования которого эвентуально можно было немножко завуалировать, но не отменить, то по вопросу о репарациях и об уменьшении вооружений не было никакого соглашения между Англией и Францией. Вашингтонская конференция оставила нерешенным даже вопрос о постройке Францией подводных лодок. Меморандум Ллойд-Джорджа в Каннах требовал отказа Франции от них. Но этот вопрос представляет для Франции предмет длиннейшего торга, который решится в зависимости от хода развития англо-французского конфликта. Вопрос о переменах в политике репараций неразрешим без перерешения вопроса о долгах Франции по отношению к Англии и Америке. Выступление Сов. делегации с предложением поставить в порядок дня вопрос об уменьшении вооружений, хотя и вызванное речью Бриана в Вашингтоне, в которой он указывал на Красную армию, как на одну из причин, по которой Франция не может разоружиться, представляло для Франции громадную опасность, ибо позволяло Англии поставить этот вопрос на конференции, без предварительного сговора с Францией и таким образом представить ее в качестве защитника вооружений. На острые столкновения между Барту и Чичериним на первом открытом заседании конференции, столкновения, которые позволили еще раз Ллойд-Джорджу выступить в качестве миротворца, не должны заслонять факта полного соглашения точки зрения Франции и Англии по русскому вопросу, как это выразилось и в заседаниях в вилле "Альберти", и в личной готовности Барту и Жаспара подписать меморандум, носящий в дальнейшем название меморандума 2 мая. Отказ Франции и Бельгии подписать этот меморандум послужил поводом для появления на генуэзской сцене нового фактора - Соед. Штатов Америки, или, конкретнее говоря, нефтяного вопроса.

Untitled

Борьба между американским трестом "Штандарт-Ойль" и Англо-Голландским трестом "Шелл и Дечь", которая разыгралась за последние годы из-за вопроса об эксплуатации нефти в колониях, переданных Англии Версальским договором, на основе мандатов, как и в голландских колониях, - борьба, обостренная нефтяным договором между Англией и Францией в Сан-Ремо в 1920-м году, притупилась в переговорах представителей английского и американского трестов, которые велись перед Вашингтонской конференцией и во время ее. Как это признал английский представитель Джон Кедмен, в ряде интервью, как и в своей статье в 3-м номере приложения к "Манчестер Гардиен", посвященном вопросам восстановления европейского хозяйства между Штандарт Ойль, с одной стороны, и Шелл Дечь, с другой, достигнуто было предварительное соглашение о том, что англичане разрешат в своих колониях и мандатных областях Америки эксплуатировать нефть в количестве, равном половине английской эксплуатации, и, во всяком случае, не менее, чем это разрешат какой бы то ни было третьей стране. Этой третьей страной являлась по договору в Сан-Ремо Франция. Но, как это бывает в переговорах капиталистических трестов, прежде чем проведен в жизнь такой договор, он не считается осуществленным, т.е. всякая сторона убеждена, что другая готова при изменившихся обстоятельствах не выполнить его. До момента слияния двух трестов никакое соглашение не уничтожает факта их конкуренции. Отсутствует ли договор между Шелл и Дечь, с одной стороны, и Штандарт Ойль, с другой, по вопросу о русской нефти или же американский трест не верил в исполнение этого договора английским, фактом остается, что американский трест смотрел с глубочайшим недоверием на конференцию в Генуе, боясь, что она может привести к соглашению "Шелл и Дечь" с Сов. правительством, которое исключило бы или очень затруднило бы работу "Штандарт Ойль" в России. Как замечает нефтяной английский орган "Ойль-Ньюс", "Генуэзская конференция была замечательна числом засевших в окрестностях видных представителей нефтяных интересов, из которых каждый в отдельности и все вместе спешили заявить, что они отнюдь не приехали в эти края говорить с кем бы то ни было о нефти".

"Палаццо Дориа", в котором разместились агенты "Штандарт Ойль" сыграло в истории Генуэзской конференции более крупную роль, чем вилла "Альберти", в которой жил Ллойд-Джордж, или отель "Астория" - место помещения Барту. Когда 30-го распространено было известие о том, что Барту согласился с Ллойд-Джорджем на счет требований, которые должны быть пред'явлены России, представители "Штандарт Ойль", будучи убеждены, что Россия пойдет на требования, пред'явленные ей совместно Англией и Францией, забеспокоились. Причины их беспокойства были следующие.

Америка не находилась в сношениях с Советской Россией. Америка не принимала участия в Генуэзской конференции. Политика американского правительства по отношению к России определялась до этого времени тремя фактами. Американские фермеры, страдающие от сужения рынка сбыта в центральной Европе, боятся скорого возвращения русского хлеба на мировой рынок. Американские промышленные круги были до войны сравнительно мало заинтересованы в русской промышленности. Американские торговые круги были мало связаны с Россией. При общей осторожности американского капитала по отношению к инвестициям за границей, он пока что не решается на инвестицию в России, в стране революции. Вопрос об отношении к России

Untitled

является для него вопросом о конкуренции с Англией и с Японией. Если Англия и Франция решили бы заангажироваться в России в крупных размерах, тогда на это пришлось бы решиться и американскому капиталу. Но он бы это мог сделать не так скоро, ибо перемена фронта требует известной подготовки. Поэтому "Штандарт Ойль", который до этого времени, согласно вышеназванным причинам, не решался ни на какие окончательные шаги по отношению к русской нефти, несмотря на то, что скупал акции русских нефтяных обществ, находился бы в менее выгодных отношениях, чем "Шелл и Дечь". Уже этот простой факт был достаточен для его враждебного отношения к удаче Генуэзской конференции.

Но агенты "Штандарт Ойль" были убеждены, что за измененными формулами меморандума экспертов союзников скрывается большое коварство Ллойд-Джорджа. Если, так рассуждали они, союзники не требуют безусловного возвращения старого имущества иностранцам, а разрешают Сов. правительству в случае, если оно это будет считать необходимым, возместить иностранного капиталиста за национализацию вместо возвращения ему его старого имущества, то Сов. правительство может передать нефтяные участки, принадлежащие в прошлом одним капиталистическим группам, - другим, уплачивая пострадавшим возмещение. Этим путем "Шелл и Дечь" в состоянии собрать в своих руках большое количество нефтяных участков. Чтобы сделать это невозможным, "Штандарт Ойль" пустил известие о якобы уже состоявшемся соглашении между Сов. правительством и Шеллем на счет передачи англичанам чуть ли не монопольного владения русской нефтью. Этим "Штандарт Ойль" поднял на ноги французское и бельгийское правительства, ибо, не говоря уже о том, что вопрос о нефти является вопросом громадного значения для Франции, как для страны, обладающей крупным флотом, - если и возможна подобная махинация в вопросе о нефти, то она не исключена во всех других вопросах, касающихся французского и бельгийского имуществ. Уплата долгов является, даже при предоставлении концессий, вопросом будущего. Возвращение фабрик и заводов, возвращение рудников и нефтяных источников представляет предмет немедленной наживы, а во всяком случае дает возможность прибыльной игры на бирже. Все эти соображения имели решающее значение для того, чтобы Франция и Бельгия отказались подписать меморандум от 2 мая. Таким образом, если бы, даже, русское правительство согласилось на требования этого меморандума, на которые оно не может согласиться без того, чтобы не отречься от своего существа, то его капитуляция не дала бы ему не только никаких кредитов, но, даже, не дала бы ему сделки с капиталистической Европой. Она дала бы ему только сделку с Англией и ее вассалами. "Штандарт Ойль", а с ним и американское правит

- ибо "Штандарт Ойль" поддерживалось в своих махинациях американским посланником в Риме Чайльдом, - сыграло в Генуе роль собаки, рассевшейся на сене и не допускающей никого к нему. Генуэзская конференция кончилась тем, что все выдвинутые ею вопросы, были переданы Комиссии экспертов в Гааге. Таким образом, с одной стороны, нефтевики и союзники выиграли время для переговоров между собой, а, с другой стороны, они были убеждены, что дают Сов. правительству время для отступления. То, на что оно не пошло в Генуе на конференции, в которой принимали участие представители сорока народов, на конференции, которая состоялась под наблюдением 500 журналистов, то на то Сов. правительство согласится, вероятно, в

Untitled

тишине "Дворца Мира" в Гааге, в деловых разговорах с экспертами.

IV.

Перспективы Ллойд-Джорджа.

В речи своей, посвященной Генуэзской конференции, которую Ллойд-Джордж произнес 25-го мая перед Нижней Палатой Англии, он подвел итоги Генуэзской конференции и высказал причины, почему он верит, что Гаагская конференция кончится лучше, чем Генуэзская. Речь его заслуживает внимания, ибо она дает ключ к пониманию многого, что без нее непонятно.

Он сначала защищает идею мира с Сов. Россией. Он устанавливает, что Сов. правительство фактически подчинило себе Россию. Оно является "хозяином положения без конкуренции". С Россией можно иметь дело только через Советское правительство. Ссылаясь на политику Питта по отношению к французской революции, он устанавливает, что без всякого отношения к тому, как оценивать политику, которую ведет Советское правительство, надо считаться с фактом его силы и заключать с ним мир. Капиталистические державы имеют три возможных пути по отношению к Сов. России. Первый путь, это - вооруженная расправа. Этот путь, испробованный, кончился банкротством. Никто его не предлагал в Генуе, как бы вражески ни относились к России. Второй - это предоставить Россию самой себе. Никто этого не предлагал в Генуе, ибо - "Россия не смотрела бы спокойно на умирающих своих детей. Готов ли кто-нибудь обеспечить мир Европе, предоставляя Россию самой себе?". Остается только третий путь - путь сделок, необходимый тем более, что, если оставить Россию самой себе, то, при ухудшающемся положении Германии, объединение России и Германии, доведенных до отчаяния, означало бы европейскую катастрофу. Германия не имеет достаточно капитала, чтобы возродить Россию экономически, но она может создать в России угрожающую военную силу. Но если нужна сделка с Сов. Россией, говорит Ллойд-Джордж, то стоит вопрос, на чем она должна быть основана. Великие революции, говорит Ллойд-Джордж меланхолически, имеют одним из своих последствий конфискацию частного имущества. "Я, увы, должен добавить, конфискацию без возмещения". Второй характеристической чертой революции является то, что революция не признает долгов старого правительства. Так делала и французская революция: она конфисковала землю помещиков без возмещения, но она не требовала от них кредитов. Русская же революция находится в том положении, что она без иностранных кредитов не может реставрировать своего хозяйства. "Вожди России понимают это великолепно. Как бы их ни оценивать, они люди исключительных способностей еликолепного знакомства с международным положением". И если представители Советской России доказывают очень остроумно, почему не надо платить долгов, то не подлежит сомнению, что, чем остроумнее они говорят, тем менее они могут убедить капиталистов, чтобы они одолжили им деньги, и поэтому между вождями Советской России и капиталистическим миром найдется в конце концов почва для того, чтобы столкнуться. Сов. Россия признает старые долги, признает возмещение убытков, признает возвращение частного имущества иностранцам в той или другой форме, после чего ей будет дана отсрочка в платежах, долги будут в известной мере списаны, как это всегда делается при

Untitled

финансовом банкротстве государства. С этой политикой, заявляет Ллойд-Джордж, представители союзников были согласны. Встает вопрос, почему же в Генуе не было достигнуто соглашение. По той простой причине, что всякое правительство подлежит влиянию своего общественного мнения. Между чуть ли не достигнутым соглашением в вилле "Альберти" 30-го марта и отказом Советской России принять условия союзников, отказом, последовавшим 11-го мая в ответе на меморандум союзников от 2-го мая, между этими двумя числами произошел праздник 1-го мая. В России произошли громадные демонстрации требования не сдаваться, и это отразилось на точке зрения Советской делегации. "Было бы большой ошибкой считать, что автократические правительства не подлежат влиянию общественного мнения. В России существует общественное мнение хотя и не большинства населения. Единственное общественное мнение, которое имеет влияние - это мнение рабочих городов, которые представляют только несколько процентов населения. Но Советское правительство и власть Советов опирается на рабочих. Это - не демократия, это - олигархия". И этому общественному мнению рабочих олигархии подчинилось Советское правительство, хотя громадное большинство населения - крестьяне собственники - совсем не связаны с идеей коммунизма или национализации. Но золотой запас Советской России близок к исчерпанию, и Советское правительство будет принуждено идти на сделку. С верой в капитуляцию с Советской Россией, с верой в то, что она сдаст 90% иностранной собственности в концессию на таких условиях, что она будет равна возвращению имущества иностранцев, союзники собрали конференцию в Гааге.

V.

В Гааге.

Генуэзской конференции предшествовало создание Франко-Бельгийского нефтяного синдиката, задачей которого являлась защита нефтяных интересов Франции и Бельгии от сепаратной сделки Советского правительства с английским синдикатом, - сделки, о которой столько шумела пресса во время Генуэзской конференции, как о совершенном факте. Создание Франко-Бельгийского синдиката со своей стороны повлияло на английское правительство в том смысле, что оно с самого начала конференции пыталось сговориться с французским правительством на счет занимаемой по отношению к Советской России позиции. Это выражалось уже в самом факте назначения в качестве руководителя переговоров Ллойд-Гримма, начальника английского департамента заморской торговли, продемонстрировавшего свое непримиримое отношение к Советской России уже во время Гаагской конференции, посвященной голоду в России. Переговоры в Гааге привели ко второй формулировке позиции союзников, последовавшей после мартовской формулировки экспертов. Три основных резолюции, принятых союзными экспертами, и речь английского делегата Хильтона Юнга позволяют теперь представить эту позицию в ясных очертаниях. Это - резолюции негативного характера. Часто приходится из упреков, сделанных в этих резолюциях представителям Советской власти, делать заключение о том, чего позитивно добиваются представители капиталистических стран.

В резолюции о частной собственности главный упрек союзников состоит в том, что

Untitled

представленный тов. Литвиновым список иностранной частной собственности, которую Советское правительство готово сдать в аренду, охватывает только часть бывшей частной собственности иностранцев, что большинство этой собственности должно оставаться в руках Советской власти. В дальнейшем констатируют эксперты союзников, что даже эту часть, которую Советское правительство намерено сдать в концессию, оно не сдает безусловно, а требует, чтобы всякий бывший собственник, претендующий на получение в концессию своей собственности, вел сепаратные переговоры с Советским правительством и что только в зависимости от исхода этих переговоров он может добиться сделки. В вопросах о компенсации, заявляют эксперты, Советское правительство делает уступки в зависимости от получения кредитов. Таким образом, заявляют эксперты, капиталистические страны должны сами уплатить свою компенсацию пострадавшим от русской революции гражданам.

В резолюции о долгах эксперты устанавливают, что Советское правительство делает признание долгов зависимым от получения экономической помощи иностранных держав. Ввиду этой точки зрения, заявляют эксперты: "Случается, что государство-должник после временного банкротства пытается добиться нового соглашения с кредитором для восстановления доверия к нему. Но положение совершенно другое, когда обанкротившееся государство отказывается признать обязательства своих предшественников. Перед лицом такого прецедента надо спросить, какие гарантии будут иметь кредиторы нового капитала против новой революции и нового отказа уплаты долгов, сделанных данным правительством. Только опыт может научить Советское правительство, что так долго, пока оно не будет готово признать безусловно обязательств своих предшественников, оно не получит иностранного займа, который, по его собственному утверждению, необходим для экономического возрождения России".

Свой взгляд на вопрос о кредитах эксперты выразили в следующем заключении: "1. Советское правительство не может получить непосредственно от европейских правительств ни займа, ни кредитов. 2. Европа может помочь восстановлению русского хозяйства только средствами частного капитала. 3. Гарантии, которые иностранные правительства могут дать капиталу, не в состоянии устранить законов, регулирующих движение частного капитала, и не могут стать на их место. 4. В руках России возможность путем сделки по другим вопросам, являющимся предметом разбора других комиссий, создать снова атмосферу, которая позволит перенести в Россию экзотическое растение, называющееся капиталом, таким образом, чтобы он мог содействовать возрождению России".

Эти решения комментировал английский делегат Хильтон Юнг, который, между прочим, сказал следующее: "Российская делегация требует, чтобы другие правительства обеспечили за ней своими усилиями получение кредитов, необходимых для восстановления России. Они заявили, что не имеет смысла отсылать русское правительство к частному капиталу. Позвольте мне высказать мое убеждение, что было бы бесполезным иначе поступать. Дело не в том, что думаем об этом мы или наше правительство. Наши правительства не имеют собственного капитала для инвестиций в России. Это было сказано с самого начала переговоров. Но даже если бы они имели деньги, то эти деньги были бы деньгами налогоплательщиков, и было бы абсолютно

Untitled

недопустимым для правительства употребить эти деньги на инвестиции, на которые не употребили бы их сами налогоплательщики. Не правительство контролирует капитал, нужный России, - частные капиталисты и только они имеют этот капитал. И поэтому Советское правительство не должно обращаться к мнению правительства. Оно должно обращаться к мнению частных капиталистов и считаться только с их усилиями. Я должен сделать одно ограничение. Не подлежит сомнению, что правительства могут сделать кое-что, чтобы помочь России в поиске за кредитами, они не могут сами найти кредитов, но в известных некоторых случаях они могут помочь перебросить мост между должником и кредитором. Правительства могут помочь открыть двери, но надо понимать, что даже, если двери открыты, никто не может быть принужденным войти. Было бы бесполезным, чтобы правительство облегчало дачу кредитов России, если капиталисты данной страны не хотят его дать. А капиталисты не согласятся дать кредитов, пока не будет восстановлено доверие, что существует разумная основа для кредитов. Они теперь не имеют этого доверия. Для восстановления этого доверия одно представляется существенным условием: Россия должна вновь восстановить угольный камень, на который опираются кредиты всегда и везде, признание связывающей силы принятых обязательств. Я убежден, что, пока этого не сделала вительства не имеют никакой возможности помочь, ибо частные капиталисты не слушались бы своего правительства, даже если бы оно пыталось убедить их дать кредиты России. Если бы Британское правительство, например, формально расширило действия разных своих законов, служащих для поддержки иностранной торговли и на торговлю с Россией, то, несмотря на то, как долго Советское правительство придерживается своих теперешних взглядов на обязательства по отношению к иностранцам в вопросе о долгах и частной собственности, так долго расширение английских законов на Россию имело бы только формальное значение. Оно бы не помогло России, ибо частные капиталисты держались бы безразлично и отказывались бы пользоваться сделанными им английским правительством облегчениями. Позвольте мне ясно сказать, что идея, что существует финансовая блокада России в смысле запрета дачи кредитов, сделанного правительствами, является полной иллюзией. Единственное правительство, которое проводит финансовую блокаду России - это Русское правительство".

Резолюции Гагской конференции были приняты не только под влиянием уступок, сделанных английским правительством французскому, которое более заинтересовано в вопросе о долгах, чем английское, но и под непосредственным влиянием Америки. "Эндепенденс Бельш", орган бельгийских промышленников, от 7-го августа помещает статью о финансовом сотрудничестве Соединенных Штатов с Европой, в которой заявляет, что Американское правительство влияло на союзников в том смысле, чтобы не делать никаких уступок России, пока она не признает долгов и возмещений. "Англия и Франция, - пишет дальше эта газета, - будет считаться с этими пожеланиями, как они уже дали тому пример в Гааге, в связи с указаниями Америки на счет позиции, которую следует занять по отношению к большевикам".

В момент, когда решался вопрос о срыве конференции, бельгийский делегат Картье, высказываясь за отклонение компромисса, ссылаясь на совет американского посла. Точка зрения Америки определялась, кроме общих мотивов, на которые мы уже указывали, и следующими соображениями. Создание Франко-Бельгийского нефтяного

Untitled

синдиката повело к уступкам со стороны "Шелл и Дечь". Англия обязалась расширить действия договора в Сан-Ремо о допущении Франции к участию в эксплуатации нефти в Месопотамии и на Кавказе. Это соглашение повело, с одной стороны, к консолидации фронта союзников, но, с другой стороны, могло довести до общей сделки европейских союзников с Россией, - сделки, которая была бы еще более опасна для Америки, чем сделка, заключенная только Англией. "Штандарт Ойль" нажал на Францию и Бельгию. Ввиду зависимости Франции от Америки при будущем разрешении ее финансовых затруднений, ввиду того большого интереса, который имеет Бельгия в восстановлении частного имущества иностранцев или обязательной передачи бывшим собственникам в концессию их бывших имений, Америке удалось таким образом настолько обострить позицию союзников, что никакая сделка не была возможна.

VI.

Наука Генуи и Гааги.

Очень важно подвести итоги Генуи и Гааги с возможной полнотой и по возможности холодно, с устранением агитационного элемента, который в данном случае, когда дело идет об исторической оценке, только вредит пониманию положения. Для нас теперь более важно знать настоящее положение, чем по поводу этого положения негодовать.

Первое, что доказала Генуя, - это факт, что ни одно капиталистическое государство не мыслит себе и не может себе мыслить экономического возрождения Европы, как постройки новых хозяйственных отношений на новых, хотя бы капиталистических основах. Если мы говорим об экономическом возрождении Европы, то при этом думаем о международном плановом хозяйстве так же смело, как думают об этом руководящие буржуазные экономисты. Но Европа и мир это есть абстракция, существование которой чувствуется негативно, но не положительно. Мировое хозяйство представляет собой единый организм. Экономический распад значительных его частей влечет за собой экономический кризис и будущий распад других его частей. Но ни европейское, ни мировое хозяйство не имеют никакого руководящего центра, который подчинил бы интересам экономического возрождения Европы интересы частных капиталистов и их национальных группировок. Экономическое возрождение мирового хозяйства требует в первую очередь ликвидации государственных долгов. Внутренний долг побежденных государств, охваченных экономическим распадом, ликвидирован спонтанно простым фактом денежной инфляции. 200 миллиардов внутреннего долга в Германии представляют теперь работу денежного станка на несколько дней. В известной мере уменьшен и внутренний долг Франции и Италии. Остались внешние долги России, долг России союзникам, обязательства Германии по отношению к союзникам и межсоюзный долг. Без уничтожения этих тяжестей невозможно никакое экономическое возрождение Европы. Не только Германия не в состоянии при уплате репараций восстановить равновесие своего бюджета, но и Франция не в состоянии этого сделать без отказа Америки и Англии от их претензий по отношению к ней. Несмотря на тот факт, что это понимают все руководящие экономические круги, вопрос остается не решенным. Только на-днях указывала одна английская газета, что после Наполеоновской войны потребовалось 8 лет для урегулирования тогдашнего вопроса о межсоюзных долгах.

Untitled

Теперь миновало 4 года со дня заключения Версальского договора. Политика союзников по отношению к вопросу о долгах привела Германию на край банкр отства. Невозможность экономического решения Версаля признана всеми, и, несмотря на это, никто не может сказать, примут ли союзники необходимое для их собственного спасения решение перед банкротством германской буржуазии, которое означало бы громадный шаг мировой революции вперед, или нет? Это положение объясняется очень просто. Ликвидация иностранного долга означала бы необходимость для Америки, Англии и Франции не только взять на себя новые налоговые внутренние тяжести, но отказаться от средства политического давления на страны должников. Америка не намерена отказаться от этого оружия по отношению к Франции и Англии, ибо позиция Англии является очень важным моментом в решении Дальневосточных дел; позиция Франции - в вопросе о состязании между Англией и Америкой. Франция не отказывается от своих претензий по отношению к Германии, ибо эти претензии разрешают ей передвинуть свои границы до левого берега Рейна. Это положение предрешает негативно вопрос об экономическом возрождении Европы, как о результате созидательных действий капиталистического государства.

Что касается кредитов для восстановления мирового хозяйства в странах, наиболее потерпевших от экономической разрухи, то тут дело обстоит еще хуже. Ни одно капиталистическое государство не располагает самостоятельно средствами, которые оно могло бы предоставить для экономического строительства в других странах. Все правительства, потрясенные в своих основах, более зависят от королей капитала, чем могут на них влиять. Частный капитал Англии и Америки, понятно, имеет средства для того, чтобы начать работу экономического воссоздания России. Капиталом располагают в первую очередь американская промышленность и финансовая буржуазия, но, абстрагируя даже от вопроса о ее отношении к пролетарской русской революции, финансовый капитал Америки ведет политику воздержания по отношению к Европе. Громаднейший внутренний рынок Америки, необходимость укрепления отношений южной Америки, где американский капитал вытесняет английский, - все это является достаточно сдерживающим элементом от инвестиции капитала в России. Американский капитал попадет в Россию только тогда, когда ему это понадобится с точки зрения его конкуренции с английским и японским капиталом. Английский капитал со своей стороны не видит в России условий, гарантирующих ему безопасность и громадную прибыль. Те же его части, которые подлежат влиянию политических моментов, не хотят экономического усиления России, как силы, революционирующей Восток и Индию, даже независимо от воли Советского правительства. Условия английских союзных экспертов с марта представляют собой те условия, на которых можно было бы обеспечить значительнейший приток иностранного капитала в Россию. Но эта Россия не была бы больше Советской Россией, а была бы колонией иностранной буржуазии.

Если союзники представляют дело так, что принципиальное признание долгов и компенсация являются главным условием возрождения русского кредита, то это является не столько иллюзией, сколько обманом. Не подлежит сомнению, что капиталисты были бы очень рады такому признанию, ибо, сколько бы ни был беспринципным всякий капиталист, класс капиталистов имеет свои принципы, свои символы и, в борьбе своей против Советской России, он борется не только за прибыль,

Untitled

которую он мог бы получить в России, если бы она не была страной пролетарской диктатуры, но одновременно он борется с ней, как с олицетворением мировой революции, перед которой он дрожал в 1919 году, но которой он и теперь не перестал бояться. Признание безоговорочно старых долговых обязательств царского правительства и частной собственности означало бы принципиальную победу мирового капитала не только над русскими, но и над западно-европейскими, американскими рабочими. Поэтому ничего нет удивительного, что наиболее принципиально и наиболее остро ставит вопрос о долгах и реституциях самое беспринципное, казалось бы, правительство в мире, правительство американских трестов. Самая сильная капиталистическая страна, страна разнузданного буржуазного индивидуализма, страна без всяких традиций, даже социальной реформы, она как бы призвана быть чемпионом частной собственности. Но, как бы важна ни была цель принципиальной победы над русским пролетариатом, более важным для иностранного капитала является не признание принципа, а выполнение его: уплата процентов по долгам и возвращение частной собственности. Первое - уплата процентов и долгов - является вещью неисполнимой в продолжение ближайшего десятка лет, неисполнимой не только для советского, но и для всякого белого правительства России. И насколько капиталистические правительства это требование выставляют как реальное, они держат наготове, как мы на это уже указывали, другие требования, которые должны реализовать первое - требование ряда монополий, которые должны быть предоставлены иностранному капиталу по обеспечению процентов от долгов. Что касается второго требования - требования реституции иностранной частной собственности, или в случае невозможности полного возмещения предоставлением новых долгосрочных эквивалентных концессий, то требование это должно быть ультимативно отклонено Советским правительством. Список концессий, представленный в Гааге Литвиновым, может быть дополнен в одном и другом пункте, но не подлежит ни малейшему сомнению, что Советское правительство не может дать в концессию всего бывшего иностранного имущества, не говоря даже о его возвращении в частную собственность. Советское правительство существует для того, чтобы развивать русское хозяйство по направлению к социализму. Его работа происходит среди неслыханных затруднений отсталой крестьянской страны, но все-таки, при размерах натуральных богатств России, она имеет все шансы успеха, если Советское правительство сохранит в своих руках достаточную часть всех основных отраслей русской тяжелой промышленности. Имея в своих руках главную часть угольной металлургической и нефтяной промышленности, железные дороги и возможность регулирования внешней торговли, оно обладает могучими средствами направления экономического развития страны. Борьба иностранного правительства за то, чтобы вырвать из рук Советского правительства железные дороги и промышленность, есть борьба за возвращение Европы к положению перед 1914 годом. Международная буржуазия, которая в своих странах должна вести борьбу со своим рабочим классом, стремящимся к национализации тяжелой промышленности, хочет доказать на русском примере невозможность государственной промышленности. Советское правительство не может в этом вопросе сдавать своих позиций, не капитулируя перед мировым капиталом.

Мы уже указали в начале этой статьи на то, что одной из причин созыва Генуэзской конференции являлось убеждение союзных правительств, что новая экономическая

Untitled

политика является замаскированной капитуляцией Советского правительства, спуском на тормозах, о котором говорит с восторгом профессор Устрялов в "Смене Вех". Эта иллюзия создала легенду о заявлении Красина, якобы сделанном Ллойд-Джорджу, что Советское правительство готово сдать 95% бывшей собственности иностранцев. Когда оказалось, что это - легенда, исчезла почва для Генуэзской и Гаагской сделки. Непримириемость Франции или Америки была только элементом, который ускорил обнажение этого факта. Английское правительство готово было с гибкостью, присущей английской политике, сделать целый ряд уступок для прикрытия капитуляции Советского правительства. Но цели его были те же самые, что цели Франции и Америки, и когда сделалось ясным, что Советское правительство не намерено идти на капитуляцию, то Англия так же сама намерена была делать мало существенных уступок, как все прочие капиталистические державы. Основной факт Генуи и Гааги состоит в том, что если капиталистические державы не в состоянии принести значительных жертв для восстановления капиталистического мирового хозяйства, если они не в состоянии еще идти на компромисс между собой, то тем менее они согласны идти на компромисс со страной победившей пролетарской революции, на компромисс за счет капитализма.

Такой компромисс не является исключенным. На-лицо факт, что пять лет существует страна с пролетарской революцией и что международному капиталу оказалось не под силу ее победить. Он еще не уверен в том, что победа пролетарской революции в России является окончательным фактом, который нельзя будет вырвать из книги истории. Новая экономическая политика, которая сама по себе является сочетанием капитализма с социалистическим строительством, усилила уверенность международного капитала в свою собственную силу, в свое собственное будущее. Но если пролетариат в России власть и в будущем удержит, если новая экономическая политика вместо элемента разбазаривавшего силы русского пролетариата, как это ожидает международный капитал, сделается элементом, собирающим его силы, то при условии дальнейшего кризиса на Востоке и дальнейшего распада капиталистического хозяйства на Западе, обострения международных противоречий мирового капитала, он может быть принужден идти на модус вивенди с Советской Россией на основе взаимного компромисса, а не односторонней капитуляции.

VII.

Что же дальше.

Если Генуя и Гаага не кончились бы полным банкротством, если бы, скажем, Советское правительство согласилось на принципиальное признание старых долгов и на признание возмещений, при чем о значении размеров наших обязательств было бы предоставлено будущим переговорам, если бы, с другой стороны, союзники взамен за эти уступки признали Советское правительство - последняя формула Литвинова в Гааге, - то быть может это создало бы более благоприятную обстановку для частных сделок Советского правительства с разными капиталистическими группами. Оно затруднило бы непрерывную дифформацию Советской России, но это не было бы решающим фактором для привлечения иностранного капитала в Россию. Достаточно указать на следующий момент. Признания долгов наиболее добиваются страны, которые перед

Untitled

войной были главным образом кредиторами России. Но бывшие кредиторы России это - не будущие кредиторы России. Ни Америка, ни Англия не являются главными кредиторами России в прошлом. Главным кредитором старой России была Франция, которая только в случае объединения с германской тяжелой промышленностью в будущем сумеет снова стать страной кредиторов. Англия и Америка требуют признания долгов или по соображениям своей внешней политики - Англия пытается удержать Францию в фарватере своей политики и поэтому должна ей делать уступки - или - как Америка занимают в вопросе о долгах "принципиальную" позицию. Но если России пришлось на деле уплачивать проценты от долгов, то на этом ничего бы не выиграли, а, наоборот, потеряли бы те капиталистические элементы, которые не заинтересованы в старых долгах, а которые могут теперь работать в России: ибо яснее ясного, что уплата процентов французским рантье уменьшала бы долю материальных уступок, которые могло бы Советское правительство делать в случае инвестиции их капитала в России. Подобно обстоит вопрос с реституцией частного имущества или с компенсацией за его национализацию. Не все старые владельцы в состоянии заново начать свою работу в России. Многие из них продали бы на бирже свое право на реституцию или возмещение. Но капиталистические элементы, решающиеся работать теперь в России, потеряли бы возможность получения собственности, принадлежащей старым владельцам, они могли бы ее только скупать на бирже по более высоким ценам, чем то возмещение, которое они готовы уплачивать для перестраховки теперь бывшим владельцам при получении русских концессий для того, чтобы обеспечить себя от упрека, что покупают "краденое". Решающим при оценке перспективы и привлечения иностранного капитала для работы в России являются следующие моменты: 1) На эту работу пойдут наиболее смелые элементы, считающиеся только с размерами прибыли и степенью безопасности. 2) Поэтому самым важным является на ближайш ее будущее не тот или другой дипломатический компромисс с державами, а непосредственная сделка с разными группами международного капитала. 3) Условием, облегчающим эту сделку, является, кроме высоты прибыли, создание внутренним русским законодательством возможно больших гарантий личной имущественной безопасности для концессионеров.

Умелая концессионная политика, связанная с рядом внутренних мероприятий в области судебной, административной и финансовой, позволяет Советской России, несмотря на неудачу в Генуе и Гааге, - неудачу, которую Советская власть предвидела, добиться известного притока иностранного капитала. Но общественная мысль Советской России должна усвоить себе тот факт, что этот приток будет на ближайшее время сравнительно не велик, и что поэтому главные силы хозяйственного возрождения России придется черпать из собственных источников, которые дает русское земледелие, если не будут в ближайшие годы неурожая и войны.

Момент для крупных сделок с иностранными правительствами наступит только при новом революционном сдвиге на Востоке и Западе или при обострении отношений между империалистическими державами. Консолидация сил китайской революции, обострение классового кризиса в Японии сделает Россию, если мы сумеем сохранить боеспособную армию, решающим элементом на Дальнем Востоке: для Японии и для Америки. Усиление кризиса в магометанском мире ближнего и среднего Востока повысит значение Советской России по отношению к Англии и Франции. В том же самом

Untitled

направлении действовало бы усиление англо-французского конфликта. Победа пролетарской революции, хотя бы в одной промышленной стране, доказала бы капиталистическим державам необходимость искания сделок с пролетарской революцией. До этого сдвига работа Советской дипломатии, связанная ближайшим образом с хозяйственной работой страны, будет состоять в целой системе дополняющихся дипломатических передвижений, но не будет иметь крупного размаха. Только момент новых мировых сдвигов окрылит ее заново. Только в момент, когда ей придется использовать победу пролетарских и национальных революций, или победу Красной армии, она снова развернется в полном объеме.

Карл Радек.

"ЭРА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПАЦИФИЗМА".

После прихода к власти Рабочей Партии в Англии, после победы левого блока во Франции все колокола II Интернационала прозвонили миру наступление эры демократического пацифизма. Исход Лондонской конференции союзников, "соглашение" с Германией по вопросу о репарациях дали понамарям реформизма новый повод, чтобы со всей силой бухнуть в колокола: "да благодать воцарилась!". Мы не имеем еще голосов этой печати по поводу принятия Лигой Наций так называемого протокола Бенеша о международном арбитраже и борьбе с наступательными войнами. Но мы себе представляем, как загремят литавры и какая пляска начнется вокруг этого куска бумаги.

Для нас, марксистов, не подлежит никакому сомнению, что демократически-пацифистская эра не может явиться без мировой революции, что господствующие теперь классы не в состоянии на деле провести ни международной демократии, ни умиротворения мира. Но это априорное наше убеждение не освобождает нас от обязанности очень внимательно относиться к тому, что происходит в мире. Если даже исходить из предположения, что мы имеем налицо только сознательный обман господствующих классов, которые, обанкротившись на Версальской политике, пытаются теперь, ради передышки, на известное время создать впечатление, что меняют политику, - то, даже исходя из такого предположения, мы должны тщательно учесть, почему господствующие классы в Европе принуждены сделать такой политический зигзаг. Когда дело идет о громадных массовых явлениях, о величайших политических сдвигах, - хитроумной механикой ничего об'яснить нельзя. Перемены в политике, даже преходящие попытки вызвать эти перемены, всегда являются результатами известных изменений в соотношении сил. Первый вопрос, который надо поставить в данном случае, это - вопрос о том, откуда же взялась эта так называемая пацифистско-демократическая эра.

I.

Возникновение "демократическо-пацифистской эры".

Она знаменуется шестью фактами: 1) поражением германского пролетариата в октябре прошлого года, 2) созданием рабочего правительства в Англии, 3) поражением

Untitled

французского империализма и победой левого блока во Франции, 4) возвращением Соединенных Штатов Америки в Европу, 5) ослаблением японского империализма и 6), наконец, укреплением Сов. Союза.

Поражение германского пролетариата в октябре прошлого года является исходной точкой политического поворота, носящего громкое название "пацифистско-демократической" эры. Если бы германский пролетариат взял в прошлом году власть, то само собой понятно, что вся мировая буржуазия, ее агенты из II Интернационала говорили бы теперь не о мире, а о борьбе против революционной Германии. Таким образом эра демократии и пацифизма начинается с победы германской буржуазии, с поражения германского пролетариата, с усиления переходного режима мировой буржуазии.

Победа Макдональда есть результат краха и либерально-консервативной коалиции и самостоятельного господства консерваторов. И либерально-консервативное правительство, и правительство чистых консерваторов представляли собой блок тяжелой промышленности и торговой буржуазии Англии. Разница между одним и другим состояла только в различии обстановки 1918 г. и 1923 г., которой и обусловлены разнородные методы действия. Переход от Ллойд-Джорджа к Керзону был вызван тем, что коалиция либералов и консерваторов, по мнению руководящей капиталистической группы, не могла действовать так радикально и решительно, как могло бы действовать консервативное правительство без всяких радикальных примесей. Но социальный смысл господства обоих этих правительств совершенно тождественен. Он состоял в попытке стабилизации английского капитализма за счет трудовых масс Англии - внутри, а в международном масштабе - за счет побежденных народов и колоний. Эта политика провалилась. Правда, рабочий класс Англии был в 1920 году отброшен, но рост безработицы не только не внес успокоения в народные массы, а, наоборот, привел к росту влияния Рабочей Партии. Рабочая Партия, которая в 1918 году, в разгар побед над Германией, получила 2 1/2 миллиона голосов, - в 1922 году и на вторичных выборах в 1923 году получила 4 миллиона голосов. Таким образом внутри страны буржуазия доказала свою неспособность внести успокоение в народные массы, не разрешила самого важного для Англии вопроса, - вопроса о безработице, который тяжелым бременем лег на английские финансы. Внешне - политический режим Ллойд-Джорджа и режим Керзона не привел ни к какому улучшению положения Англии на континенте и в колониях. Ллойд-Джордж после войны пробовал медленно повернуть руль внешней политики, безболезненно уйти от Версальского договора. Кейнс в своей книге о ревизии Версальского мира очень остроумно заявляет, что Ллойд-Джордж все еще произносит версальские речи, на деле пытаясь освободиться от Версаля. Ллойд-Джордж не мог этого сделать по простой причине: ликвидация Версальских оговорок, в частях, касающихся положения Германии, требовала самого решительного нажима на Францию. Но Франция, опираясь на свою военную силу, не поддавалась ни на какие уловки Ллойд-Джорджа и на попытку его склонить Бриана к сделке, собственно говоря, являющейся ревизией Версаля, - буржуазная Франция ответила отставкой кабинета Бриана и приходом к власти Пуанкаре. Дальнейшая попытка Керзона повлиять на Францию дипломатическим путем привела к тому, что Франция пошла в Рур и взяла в свои руки самостоятельное решение репарационного вопроса. Это было полным

Untitled

поражением политики господствующего в Англии класса. Если бы Франции удалось удержать Рур, то это усилило бы положение Франции в Европе, сделала бы ее путем объединения железа и угля Германии с французской тяжелой промышленностью экономически господствующей нацией в Европе. Параллельно возрасла бы зависимость вассала Франции - Чехо-Славии, Юго-Славии, Польши, Румынии и Сербии - от их французского хозяина, что означало бы полную изоляцию Англии в Европе. Приход к власти правительства Макдональда было ответом рабочего класса и значительной части мелкой буржуазии на банкротство внешней и внутренней политики финансового, торгового и промышленного капитала. Отказав в своей поддержке консерваторам, английские рабочие, английская мелкая буржуазия отчетливо заявили, что буржуазия, по их мнению, не способна вывести Англию из тупика. Рабочее правительство, как бы трусливо оно ни было, является таким образом выразителем нарастающего недовольства рабочего класса и части английской мелкой буржуазии.

Присмотримся теперь к причинам победы левого блока во Франции, являющегося союзом мелкой буржуазии города и деревни и большинства французского рабочего класса. Блок этот пришел к власти в результате блестящего провала политики Пуанкаре. Банкротство его выразилось в том, что французский капитал для обеспечения германских репараций пошел в Рурский бассейн, надеясь или принудить германскую буржуазию к уплате значительной части дани деньгами, или, если это не удастся, раз навсегда подчинить германскую тяжелую промышленность французской. Косвенно усиливая экономическую мощь Франции, Пуанкаре думал найти выход из финансового тупика, в котором находится Франция, успевшая увеличить свой предвоенный долг в 37 миллиардов до 200 миллиардов к моменту окончания войны и до 400 миллиардов ко времени ликвидации Рурской затеи. Политика Пуанкаре оборвалась, обанкротилась на том, что она явилась результатом переоценки экономических сил самой Франции. Рурская затея не могла дать немедленно сколько-нибудь значительных финансовых результатов; захват Рура привел к полной дезорганизации этого главного промышленного района Германии. Но в то же самое время расходы на Рурскую затею, международная неуверенность в том, что будет, вызвали падение франка, который в продолжение нескольких месяцев докатился до 1/6 своей довоенной стоимости. Франция, принужденная обратиться к американскому и английскому капиталу с просьбой о займе для поддержки своей валюты, собственноручно расписалась в банкротстве рурской политики Пуанкаре, признала бесплодной свою попытку самостоятельного решения репарационного вопроса. Результаты выборов 4-го мая были квитанцией народных масс, в первую очередь французского мужика, на это банкротство. Большинство рабочего класса и крестьянство призвало к власти партии, обещавшие найти выход из положения не путем военных авантур, но при помощи податных реформ и переложения тягот, оставленных войной, на плечи имущего класса; в международном масштабе общественное мнение потребовало сделки с Германией. Пацифистская эра, провозглашенная Францией, сигнализирует сдвиг в широких народных массах. Основа французского империализма - доверие крестьянских масс к империалистическому режиму - расшатана.

Какой план реформы мог придумать этот мелко-буржуазный блок во Франции и мелко-буржуазный блок Англии? Каким путем мог он провести в жизнь эти обещанные

Untitled

реформы - сократить вооружение, уничтожить причины этого вооружения, - обострение международных отношений, обострение отношений между Францией и Германией, между Францией и Англией, между капиталистическим миром и Сов. Россией, - сократить тяжесть налогов во Франции? Существовал только один путь - борьба мелко-буржуазных масс и рабочего класса против класса, который является стержнем империалистической политики против финансового капитала и тяжелой промышленности. Могла ли мелкая буржуазия Франции и Англии пойти на эту борьбу? Достаточно присмотреться к внутренней политике Эррио в продолжение пяти месяцев, в течение которых он находится у власти, чтобы видеть всю беспомощность французской мелкой буржуазии в этой борьбе. Эррио получил в этой борьбе большинство голосов, но когда выборы кончаются и умолкают голоса, выражающие настроение мелко-буржуазных масс, - тогда начинают действовать постоянные факторы буржуазной власти, вступает в свои права старая бюрократия, возобновляется влияние церкви на массу, сказывается влияние прессы и влияние экономических факторов на власть. Мелкая буржуазия во Франции, отдавшая большинство своих голосов за режим Эррио, не имеет в своих руках прессы. Пресса капиталистического мира, это - крупное капиталистическое предприятие, ибо для постановки современной газеты нужны громадные средства, доходящие до десятков и сотен миллионов рублей. Мелкая буржуазия во Франции располагает маленькой прессой с маленьким тиражем, потому что лавочник и мужик не имеет денег для создания и содержания большой. Господин Эррио должен был искать помощи у той печати, которая издается на деньги тех классов, тех слоев, борьбу против которых он должен был бы вести, если бы хотел выполнить свою программу. Бюрократия осталась старая. Мелкая буржуазия, пришедшая к власти во Франции, оставила руководство внешней политикой в руках тех же самых людей, которые у политику при Пуанкаре. Фактическое руководство внешней политикой при Эррио осталось в руках старой дипломатии, с Перетти, де-ла-Рокка, директором Quai d'Orsay времен Пуанкаре, во главе. Причины совершенно ясны: во-первых, мелкая буржуазия не располагает достаточным количеством военных и дипломатических сил, которые можно было бы выдвинуть на эти руководящие посты; во-вторых, боится ломки государственного аппарата, видя в бюрократии империалистического режима нерушимый общественный устой. Перемена коснулась только парламентской верхушки, весь же аппарат французского империализма остался нетронутым. Об армии не приходится даже и говорить. Генерал Нолэт, который играл роль покорителя Германии, от имени союзников провел разоружение Германии, был признан Эррио военным министром. Этим назначением Эррио как бы сказал крупному капиталу: "Смотри, я не предпринимаю никаких новшеств: армия, оплот вашего режима, остается нетронутой". Но еще более важна зависимость этого мелко-буржуазного правительства от финансового капитала. Французские финансы держатся теперь на краткосрочных займах, на казначейских билетах, к которым масса уже относится с недоверием и которые могут быть пускаемы в оборот только при самой активной поддержке крупных банков. Полной зависимостью мелкой буржуазии от крупной объясняется то, что французская мелкая буржуазия не могла вступить на путь ликвидации или хотя бы уменьшения, обуздания империалистического режима, - на путь борьбы с крупным капиталом.

Как обстоит дело в Англии? Макдональд не имеет даже большинства в парламенте. Он

Untitled

держится у власти тем, что обанкротившиеся либералы и консерваторы не имели большинства для сознания собственных партийных правительств и не решались заключить между собою сделку созданием совместного правительства. Ни одна из этих партий не могла рисковать новыми выборами: еще слишком свежи были следы их режима, живо громадное недоверие рабочих масс к режиму коалиции либерально-консервативной и к режиму консерваторов. Поэтому обе буржуазные партии, нуждаясь в передышке, нуждаясь в том, чтобы Макдональд на деле доказал неспособность Рабочей Партии вывести Англию из тупика, дали полу-рабочему правительству передышку. Перед Макдональдом были две возможности: или, имея меньшинство голосов в парламенте, итти на политику социальных реформ, которые привели бы в движение народные массы и дали ему возможность, в случае провала в парламенте, победить на выборах, - или же итти путем компромисса и с консерваторами и с либералами, господствуя при благожелательном нейтралитете этих обеих партий, отказавшись при этом от более основательных реформ. Макдональд выбрал этот второй путь по той простой причине, что не верил в возможность завоевания в ближайшее время большинства рабочего класса и мелкой буржуазии и хотел удержаться на основе внешних побед, которые сделались возможными благодаря ослаблению французского империализма. Правительство Макдональда в течение своего полугодового существования на деле ничего в Англии не изменило. Единственный способ, при помощи которого он пытается действовать на широкие массы Англии, это - закон о постройке жилищ, закон, который на бумаге рассчитан на громадное впечатление, ибо дело идет о десятках миллиардов рублей, в продолжение ближайших 15 лет долженствующих дать английскому рабочему классу здоровые и дешевые жилища. Но, конечно, предпосылкой исполнения этого закона является то, что Макдональд все это время будет держаться у власти, что весьма проблематично. Не решаясь на борьбу с финансовым капиталом пной буржуазией, так называемая французская и английская демократии должны были для осуществления своей программы умиротворения Европы найти союзника. Этого союзника они обрели в таком демократическом и пацифистском слое, как... американский финансовый капитал. И если сопоставить тот простой факт, что так называемый пацифистско-демократический переворот в Европе является результатом, с одной стороны, поражения германского пролетариата и победы мелкой буржуазии во Франции и Англии, с другой стороны - результатом того, что самая жестокая анти-демократическая, хищническая американская плутократия под давлением собственных интересов, о которых я буду еще говорить, решила вернуться в Европу, если это сопоставить, - то не трудно увидеть, чем эта демократическая и пацифистская эра сказала на деле.

Американская финансовая плутократия никогда не хотела уходить из Европы. Она была в значительной своей части за Версальский договор, за вхождение в Лигу Наций. Она великолепно понимала, что при развале европейского капитализма Европа представляет собой великолепное поле действий для коршунов американской финансовой олигархии, но принуждена была считаться с тем, что американские народные массы, уставшие от войны, являлись противниками вмешательства в европейские дела, правильно предвидя, что если Америка экономически заангажируется в Европе, то это означает сперва политическое, а затем и военное вмешательство в европейские дела. Вложение крупных капиталов в Европу может в будущем потребовать

Untitled

защиты этих капиталов при помощи военных союзов в Европе и открытых военных действий. Сдвиг в американских массах начался, благодаря аграрному кризису, возникшему в Америке в мае 1920 г., источником которого является отчасти обеднение Европы, уменьшившее ее покупательную способность, а с другой стороны - тот факт, что Америка сейчас производит хлеб дороже, чем Канада, Аргентина и Россия. Огромный аграрный кризис в Америке заставил фермерские массы выбирать: или с американским рабочим классом против американского капитализма, или с американским капиталистическим миром, который путем займов в Европе расширит покупательные силы последней. Само собой понятно, что такой класс, как класс американских фермеров, который никогда не вел революционных боев, не мог сразу решиться на первый путь. Буржуазия пытается создать смычку с крестьянством путем открытия ему выхода в Европу через займы. Это создало почву для возвращения американского финансового капитала в Европу. Политически это выразилось таким образом: перед лицом приближающихся выборов, на которых, как третья сила, выступает мелко-буржуазная партия, берущая на себя защиту фермеров, партия Лафолетта, угрожающая оторвать левое крыло от демократической республиканской партии, - республиканцы, находящиеся у власти, должны были указать фермеру выход из тупика. Таким выходом яв финансирование Европы, которая на американские деньги будет покупать хлеб у американских фермеров. Доклад экспертов играет поэтому крупную роль в американских выборах.

Американский капитал, идя в Европу, стремится к подчинению себе всего ее хозяйства, и без известного внешнего умиротворения Европы американские финансисты не найдут на американском денежном рынке достаточного количества покупателей европейских займов.

Еще в другом пункте грабительские цели англо-американского капитала связаны с так называемым пацифизмом. На Дальнем Востоке землетрясение в Японии привело к ослаблению английского империализма. Последствия этого факта те же, что и последствия банкротства Пуанкаре в Рурском бассейне. Место ослабленной империалистической державы пытаются занять Англия и С. Штаты Америки. Делают они это под знаменем пацификации Китая, устранения опасности войны на Дальнем Востоке.

Шестой источник "пацифизма" - это усиление Советской России. После опыта интервенции нельзя начать борьбы против Советской России под лозунгом низвержения большевистского правительства, под лозунгом нового похода против Советского Союза. Поход этот может начаться только в форме стремления взять Советскую Россию на буксир, включить ее в мировой капиталистический рынок, заставить ее жить по-хорошему с международным капитализмом. Если, паче чаяния, Советский Союз отклонит протянутую ему дружескую руку, то тогда он сам будет виноват, что великие державы будут принуждены "предоставить его своей участи", т.-е. предпринять против него финансовую блокаду со всеми последствиями, которые могут из этого проистечь.

Вот все шесть моментов, породивших мировой поворот или, точнее говоря, международную констелляцию, выдвинувшую знамя пацифизма и демократии. Эти

Untitled

моменты разного социального калибра. Здесь налицо и усиление одних капиталистических групп (Америка), и ослабление других (Германия, Франция, Япония), и поражение пролетариата (Германия), и рост его силы (Англия). Разнородность корней новой международной констелляции создает глубокую ее противоречивость, как это покажет проверка главных внешне-политических событий последних месяцев.

II.

Проверка "демократическо-пацифистской" эры.

Но перейдем теперь от источников этого поворота к проверке его не на планах, не на обещаниях, а на деле. Мы имеем перед собой четыре таких проверки. Это: 1) решение Лондонской конференции союзников насчет Германии, 2) англо-советский договор о займе и борьба, которая разворачивается вокруг этого договора, 3) китайский вопрос и 4) состояние вопроса о разоружении на последней сессии Лиги Наций. Внимательное отношение к этим четырем вехам дает картину, которая показывает глубокую связь между происходящим в Китае, борьбой за займ для России и решениями союзников в Лондоне. Эта проверка позволяет с полной уверенностью сказать, что эра пацифизма и демократии не имеет ничего общего ни с пацифизмом, ни с демократией, а зато очень много - с созданием кооперации англо-американского финансового капитала для ограбления Германии, Китая и Сов. России.

а) Репарационный вопрос.

В чем состоят изменения в отношении политики союзников к Германии? Эти изменения существуют, и было бы нелепо их не видеть. Прежде всего союзники отказались от неисполнимых фантазий, от всего, что деловые люди считают давно иллюзиями. Когда французский министр финансов, г. Клотц, после войны, в 1919 году, заявил, что Германия уплатит по крайней мере 300 миллиардов золотых марок, то этот вздор был рассчитан на то, чтобы при ближайших выборах удержаться у власти, пообещав, что немцы уплатят то, чего никто уплатить не может. Между тем, любому избирателю стоило только открыть справочник по мировому хозяйству, чтобы знать, что перед войной все достояние Германии, в том числе земля, недвижимое имущество, шахты, фабрики и т. д., равнялось 300 миллиардам марок. А так как, если даже найти покупателя, нельзя вывезти всей Германии, то щедрое обещание г. Клотца было совершенно вздорно. Если взять книгу известного американского банкира Баруха об экономических условиях, принятых Версалем, где он рассказывает о всей борьбе, происходившей за кулисами, то видно будет, что ее участники отлично отдавали себе отчет в том, что обещают неисполнимые вещи. В 1921 г. союзники уже требовали от Германии "только" 130 миллиардов золотых марок, но они сами считали 80 миллиардов фантазией, потому что план уплаты, который был представлен Германией, касался только 50 миллиардов золотых марок. Все прочие обязательства висели в воздухе, и на деле международный капитал считал, что в продолжение 30 лет можно получить с Германии 50 миллиардов золотых марок.

Что в этой области меняет Лондонская конференция? Она сокращает эту сумму не

Untitled

открыто, но если взять условия амортизации, промышленного и железнодорожного займа, то оказывается, что союзники считают, что смогут выкачать из Германии 40 миллиардов золотых марок в продолжение 38 лет. Значит, в этом смысле реальное изменение в том, что союзники хотят выколотить из Германии то, что считают возможным, не обещая избирателям, что Германия уплатит все. Что еще изменяет Лондонский договор? На место необеспеченного плана выжимания из Германии репараций он выработал план, который представляет собой известные гарантии, план обеспечения платежей. В 1921 году союзники говорили Германии: "Уплати", а из каких источников, было неизвестно. Это кончилось банкротством германской марки и тем, что Пуанкаре захватил германский уголь, как источник платежей. Он должен был этот уголь возвратить, так как не умел его менять на золото и не имел достаточно золота, чтобы ждать. Теперь Лондонская конференция точно называет источники и говорит - платит не Рур, а вся Германия. 1.250 миллион. в год будут платить рабочие через повышение податей, пошлин на спички, водку, пиво, табак, т.-е. через косвенные налоги, которые союзники бронируют в размерах 1.250 миллионов золотых марок. Дальше они берут в свои руки железные дороги, намереваясь сократить число железнодорожников и, уменьшив зарплату, повысить железнодорожные тарифы. Это два главных источника, и из этих двух источников Германия должна в течение нескольких лет давать 2 1/2 тысячи миллионов в год для оплаты контрибуции союзниками. Чтобы эти деньги во-время, без опозданий и просрочек, поступали в кассу союзников, последние создают огромную машину, выкачивающую эти деньги, создают контроль над этими источниками, берут в свои руки желдороги, госбанк, делаются распорядителями германского хозяйства. К тому, насколько этот план решает все вопросы, я вернусь позже, когда буду говорить о перспективах развития. Но если теперь принять, как факт, то, что союзники решили в Лондоне, то пацифистско-демократическая эра состоит в том, что, во-первых, германское хозяйство поступает под контроль союзного капитала, в первую очередь американско-английского, ибо американские и английские денежные рынки должны доставить Германии займы приблизительно на сумму 17 миллиардов золотых марок, которые в ближайшие годы позволят Германии уплачивать дань (теперь она этого не может), стабилизировать валюту и пустить в движение промышленность. Второе изменение состоит в том, что место французского штыка должна занять петля англо-американского финансового капитала. Третье изменение состоит в том, что Франция должна получить деньги для заштопывания дыр в своем бюджете, благодаря чему германо-французские и франко-английские трения должны уменьшиться. Наконец, пункт четвертый. До настоящего времени германский рейхстаг, выбранный демократически сам решал вопрос о податях, теперь вопрос о самых тяжелых для народных масс податях в размере 1.250 миллионов косвенных налогов, предназначенных для выплаты союзникам, изымаются из компетенции рейхстага, превращаются в ипотеку международного капитала, независимую от влияния парламента, выборов и так называемой демократии.

Эта "реформа", само собой разумеется не записанная ни в каком договоре, заключенном в Лондоне, состоит в том, что если из Германии нужно выколачивать по 2.500 миллионов в год, то надо увеличить налоговый пресс, надо увеличить эксплуатацию трудовых масс, нужно упразднить 8-часовой рабочий день, нужно понизить зарплату в Германии.

Untitled

Это - первая проверка демократически-пацифистской эры. Она состоит, таким образом, в том, что на место Франции, приставляющей германскому народу штык к груди, является благодетельный американский и английский финансовый мир, который дает Германии средства для передышки на ближайшие два года и через два года собирается взять в свои руки все германское хозяйство и усилить эксплуатацию германских народных масс.

б) Отношение к Сов. Союзу.

Я перехожу к второй проверке - к отношению держав, взявших на себя инициативу этой демократическо-пацифистской эры к Сов. России. Отношение к Сов. России связано с вопросом не только о хозяйственном положении мира, но и с вопросом о мире, ибо без создания "modus vivendi" между Сов. Россией и капиталистическим миром пацифизм пролетит в трубу, без урегулирования этих отношений нет никакого, даже переходного, успокоения в Европе.

Какими фактами располагаем мы в этом вопросе? Первый из них - отношение Соед. Штатов Америки к Сов. России. Отношение это является самым важным фактом, ибо не Англия, а Америка является стержнем всего этого "пацифистско-демократического" поворота. Как известно, г. Юз только и делает, что ежедневно, или почти еженедельно, по всякому поводу или без оно, выступает с заявлениями, в которых пред'являет Сов. России требования, сводящиеся к капитуляции рабочего режима перед капитализмом. Г. Юз, представитель самой сильной части в этом демократическо-пацифистском блоке, не хочет говорить с Сов. Россией. Другой контрагент по демократическо-пацифистской эре, г. Эррио, который шел к власти под лозунгом признания Сов. России и даже является автором глубоко философской и сентиментальной книги о необходимости признания Сов. России, уже пять месяцев находится у власти, однако признания еще нет, зато вместо признания существует комиссия, являющаяся блестящей иллюстрацией к сказке о щуке, раке и т. д. С одной стороны, в этой комиссии находится сенатор Де-Монзи, являющийся застрельщиком признания Сов. России, а с другой стороны наш друг, генерал Нуланс, который собирает данные, вероятно, для того, чтобы представить нам счет за Ярославское восстание. Такова трусость мелкобуржуазного режима во Франции, не решающегося сказать французским капиталистам: "господа, я знаю, что у вас есть претензии к Сов. России, но о них мы будем говорить после их признания". Огромные массы держателей русских займов, банки, которые играли значительную роль в экономической жизни России, настолько сильны, что г. Эррио, по всей вероятности, думает, что сначала нужно с нами договориться обо всех скользких темах, а затем уже нас признать. Это значит, что г. Эррио откладывает в долгий ящик вопрос о признании Сов. России.

Перейдем теперь к Англии. Макдональд признал Сов. Россию немедленно после прихода к власти. Либеральная партия целиком, консервативная партия в значительной своей части совершенно сочувственно встретили этот акт, как бы то ни было подтверждающий наше несомненное усиление. Что касается вопроса о дальнейших реальных отношениях между нами и Англией, то голое признание ничего не меняет. Из

Untitled

него ясно, что мы существуем, что мы сильны, что нас не легко сбить с ног, и, как сказал г. Макдональд: "если вы требуете от меня, чтобы я мог противостоять сов. пропаганде, то я должен иметь урегулированные дипломатические отношения, чтобы усиливать или ослаблять их нажим". Реально вопрос станет при попытке Англии и СССР урегулировать свои экономические отношения. Тут начинается серьезное дело, а не область фраков и дипломатических нот, обедов и ужинов.

Как обстоит это дело сейчас, и как обстояло оно в прошлом? В прошлом мы устанавливаем две фазы. Первая состояла из интервенции, когда английский капитал имел одну, но очень ясную программу по отношению к нам: уничтожить. Вторая фаза началась с торгового договора, и ее апогеем была конференция в Генуе. Чего по существу добивалась Англия в Генуе? Если отбросить всю внешность формулировки, то смысл политики Ллойд-Джорджа был следующий: большевики остаются у власти, и их нельзя скинуть, но экономические затруднения Сов. правительства принудят его к социальной капитуляции. Ллойд-Джордж реально добивался возвращения английским капиталистам фабрик и, сверх того, концессий в таких размерах, которые бы вполне уничтожили возможность развития Сов. России, как социалистической державы. Выражал он эти стремления, конечно, не так откровенно. Вместо явного возвращения фабрик, он требовал долгосрочной аренды на 99 лет. Долгосрочная аренда на целое столетие - это и есть возвращение. Что касается концессий, то он на словах от них отмахивался. В торговле люди всегда стараются опорочить товар, который больше всего хотят купить. Ллойд-Джордж стремился к тому, чтобы взять в свои руки Донбасс, Баку, Алтай, русские гавани, железные дороги. Выражалось это в очень простой форме: "Господа, у вас есть долги, мы можем торговаться насчет списания части долгов, но останется еще очень много. Вы говорите, что не можете платить, потому что у вас, во-первых, плохие принципы, а, во-вторых, потому, что у вас нет денег. Я согласен, - у вас нет денег, но у вас есть разные вещи, которые можно заложить. У Германии нет денег, она сдает железные дороги международному концерну, она дает ипотеку на промышленность международному капиталу. Все это и вы должны сделать". Такова программа Ллойд-Джорджа.

Вся проверка отношения Макдональда к Сов. России состоит в том, чем отличается план Макдональда от плана Ллойд-Джорджа. Вот вопрос, на который нужно ответить. Если сравнить меморандум союзников и речь Ллойд-Джорджа о Генуе, речь Гильтона Юнга в Гааге - с нашим договором с рабочим правительством Англии в палате общин, то там есть один пункт, который гласит, что обе стороны признают то законодательство, которое существует в каждой из сторон. Это означает принципиальное признание национализации, признание монополии внешней торговли; но заем английское правительство гарантирует только на условиях сговора между нами и 50% бывших владельцев русских бумаг и русских ценностей, - сговора, который будет для них удовлетворителен. Что это означает? Это означает, что существенный вопрос, вопрос о том, отказалась ли буржуазная Англия, в лице рабочего правительства, от программы Ллойд-Джорджа, еще не затронут, даже если английский парламент ратифицирует договор, ибо если английский парламент и ратифицирует этот договор, то борьба переходит в новую, т.-е. во вторую, решающую стадию. Английский парламент ратифицирует договор, после этого начинают работать комиссии, советская и

Untitled

английская, в которых мы должны договориться с английскими капиталистами насчет того, какие предвоенные долги и в какой форме нами должны быть возмещены. Военный долг отложен, потому что Англия не представила нам еще своего счета, и мы, с своей стороны, имеем к ней громадное количество претензий по интервенции. Таким образом, в этой области мы бой выиграла, но существуют огромные предвоенные долги и вопрос о возмещении убытков капиталистам. Каково наше отношение к вопросу о займе с точки зрения наших реальных интересов? Заем нам нужен, но только как средство облегчения нашего экономического положения. Мы добиваемся займа на условиях, которые не наложат на нас бремени, которое это положение только ухудшит. Если бы при переговорах капиталисты потребовали от нас уплаты части предвоенного займа и таких ежегодных взносов для возмещения своих убытков, которые превышают наши силы, то само собой понятно, что такой невыгодный для нас заем был бы отвергнут, и в результате договор был бы сорван рабочим правительством, защищающим интересы старых собственников. С каким расчетом срывали бы мы этот договор, и с каким расчетом срывали бы его англичане? Мы исходили бы из уверенности, что сумеем собственными силами итти вперед, и тогда английские капиталисты все равно должны будут пойти на уступки такого рода и в таких размерах, что нам выгодно будет в будущем взять заем. Их же расчет был бы таков, что мы экономически сами не сумеем шагнуть вперед и принуждены будем капитулировать; тут-то демократия нам и пред'явит старый план Ллойд-Джорджа, согласно которому для уплаты долгов в требуемых размерах мы закладываем целые отрасли промышленности русского происхождения, передаем им для эксплуатации еще не разработанные источники богатств Сов. Союза и сдаем промышленность, раньше принадлежавшую английским капиталистам, на условиях, которые фактически являются реставрацией собственности. Но это только один из предполагаемых этапов борьбы. Допустим, что мы договоримся. Английское правительство само не дает нам никакого займа, оно только гарантирует этот заем, если его дадут банки.

Но тут возникает вопрос, каким влиянием, какими способами воздействия на банки располагает это, так называемое, рабочее правительство, пацифистско-демократическое правительство для того, чтобы заставить финансовый капитал подчиниться его воле. Тут мы подходим к той борьбе, которая ведется вокруг займа. Капиталистический мир Англии, за исключением тех групп, которые уже начали с нами работать (или надеются вскоре заключить с нами договоры), - против этого займа и пытается даже предварительный договор саботировать в парламенте. Надо учесть, что кроется за этими противодействиями, и только тогда станет ясно все противоречие этого чисто внешнего прихода к власти демократии в Англии и во Франции и настоящее развитие мировой политики.

Английский капитал имеет очень старые разработанные программы по отношению к России. Я уже не буду говорить об английской политике, начиная с XVI столетия, когда английский капитал добивался монополии внешней торговли в России... для себя. Если взять одно XIX столетие, то в чем состояла программа либеральной политики по отношению к России? Эта программа проста: Россия - поставщик сырья, Англия же - мастерская мира. Эта программа в первой своей части является программой английской буржуазии по отношению Советского Союза. Тут расчет простой. Англия находится

Untitled

теперь в очень тяжелом международном положении. Она имеет в лице Америки более опасного конкурента, чем в свое время была Германия. Если теперь американский и английский капитал вложил деньги в германскую промышленность, то он реставрирует экономическую силу Германии, которая сможет вывозить свои изделия и еще более ухудшить положение английского капитализма. Поэтому Англии нужны крестьянские страны, громадный вывоз из которых освободил бы ее от зависимости от американского рынка, доставляющего ей хлопок, хлеб и пр. и которые, с другой стороны, явятся рынками сбыта для английской промышленности. Борьба за русский заем означает по существу борьбу за то, будем ли мы развиваться, как промышленная нация, или международному капиталу удастся приговорить Россию к судьбе земледельческого народа. Что это означало бы с точки зрения политической? Рабочая власть держится в России на смычке промышленного пролетариата с крестьянством. Будущее ее зависит от того, сумеем ли мы стать поставщиками промышленных изделий для крестьян. Уничтожение промышленности в России приводит к смычке русского крестьянства с иностранным капиталом. Само собой понятно, что капиталисты хорошо понимают, что ослабление нашей промышленности - самая опасная форма борьбы мирового капитала против Советской России, первой страны победы пролетариата.

Быть может, уже в ближайшие недели и месяцы решится вопрос, который нам с полной ясностью покажет, куда идет Макдональд. Если он, получив недоверие парламента по вопросу англо-советского договора, вытрет лицо и скажет, что это только дождик капает, то это будет сдачей всех позиций, наглядным доказательством того, что Макдональд и рабочее правительство в Англии не только не в состоянии решить, но неспособны попытаться решить путем борьбы центральный мировой вопрос об отношении старого мира к новому иначе, чем его решал Ллойд-Джордж. Но даже, если Макдональд добьется признания этого договора или, распустив парламент, получит большинство, - то и тут испытание еще впереди, ибо отношения двух держав опираются не на интервью и не на визиты, а на экономические отношения, связывающие два народа. Пойдет ли Англия вместе с Соединенными Штатами Америки на финансовую блокаду Советской России, сумеет ли английский капитализм навязать рабочему правительству эту политику, - вот центральный вопрос, который выявит всю суть макдональдовского режима. Ответ на него впереди, но силы, которые уже сейчас пытаются предвосхитить это решение которые уже теперь считаются с тем, что, в случае финансовой блокады (она может только очень медленно действовать, и мы будем отвечать целым рядом контр-мер), могут понадобиться и другие средства, менее пацифистские, как финансовый нажим, - эти силы уже в движении. Если спросить себя, что такое грузинское восстание, то уже из прессы видно, что мы добираемся до какого-то клубка. Статьи в "Corriere de Petrol" и "New-York Times", несомненно, указывают на то, что группа Шелля, английского нефтяного треста, устраивала это восстание. Известно, что Шелль, который у нас покупал нефть, за последние полгода никаких сделок не совершал, что Детеринг, главный шеф этого нефтяного треста, в последнее время уклонялся от деловых разговоров с нашими представителями. В кругах журналистов, близких к нефтяному тресту, велись разговоры уже 3 - 4 месяца тому назад о готовящихся событиях в Грузии. Наши военные органы дающие за безопасностью Советской Республики, ощущали несомненное шевеление на окраинах Советской России. Все это говорило, что когда там, в политике Великой Британии, борются, с одной стороны, такая

Untitled

мощная группа, как английский капитал, а с другой стороны, политически такая беспомощная, трусливая сила, как мелкая буржуазия, возглавляемая Макдональдом, - военные органы, которые в течение сотен лет ведут английскую политику, произвели небольшую мобилизацию на случай новых сдвигов направо. Для того, чтобы шагнуть к пацифизму, не нужно большой подготовки, нужно только отказаться от политики разбоя; но чтобы подготовить новый режим, нужно работать неустанно и заблаговременно.

в) Интервенция в Китае.

Я перехожу к третьему испытанию пацифистско-демократической эры, а именно к пацифизму, который практикуется на спине китайского народа. Китайский вопрос заслуживает самого внимательного отношения с нашей стороны. Само собой понятно, что на нескольких страничках, которые я могу ему посвятить в данной статье, можно затронуть только самые общие черты, но этого достаточно, чтобы понять, какой смысл имеют события в Китае, в связи с той международной картиной, которая развернулась перед нами.

По существу то, что происходит в Китае, это - борьба за объединение Китая под руководством китайской буржуазии. Когда мы читаем произведения буржуазных европейских писателей о Китае, то видим, что они пытаются поразить читателя таинственностью происшествий в Китае: одна из самых таинственных вещей, которую нам сообщают капиталистические "ученые" и журналисты о Китае, это - 25 губернаторов, 25 правительств, которые там непрерывно друг с другом дерутся. Но Китай, по своим размерам, это - Европа, и в этом Китае - только 11.000 верст ж. д. И если присмотреться к этой цивилизованной Европе, которая так свысока взирает на гражданскую войну в Китае, то окажется, что в ней, не считая Советской России, т.е. той части, которая представляет половину Европы, насчитывается 24 государства, с СССР - 25, а насчет войн и в Европе жаловаться не приходится. Самые китайские пространства, эти 11 миллионов квадратных верст его территории, служат достаточным объяснением того, что даже при развитии более сильного капитализма Китай имел бы еще огромные затруднения на пути к своему объединению. Но уровень китайского капиталистического развития низок и слаб. Китай насчитывает около 3 миллионов промышленных рабочих. Участие Китая в мировой торговле можно оценить в 3 миллиарда зол. руб. Эти цифры показывают, что Китай уже капиталистическая держава, но капиталистическое развитие его очень молодо: на 400 милл. населения - 3 миллиона промышленных рабочих. Промышленное развитие Китая сгруппировалось вокруг нескольких провинциальных центров; оно началось на юге, наиболее сильно в Центральном Китае, но и на севере, в Маньчжурии, со времени русско-японской войны очень скорыми шагами движется по пути капитализма. Таким образом создались различные центры китайской буржуазии, из которых каждый претендует на власть. В наших газетах представляют Чан-цзо-лина, У-пей-фу, как представителей остатков феодализма. Это не соответствует действительности. Правительство У-пей-фу, например, есть правительство, защищающее интересы капиталистов против рабочих, расстреливающее бастующих рабочих. 30% всех процессов во всех судах Китая, это - процессы кулаков и ростовщиков против крестьян-арендаторов, не уплативших арендной платы и процентов по векселям. Крестьянское население расслоено так, что больше 50% состоит из батраков и мелких

Untitled

арендаторов. Власть У-пей-фу представляет собой интересы китайского капиталистического развития. Она при помощи военной силы пытается объединить Китай под своим руководством. Почему же объединение Китая происходит путем борьбы военных клик? По тем же самым причинам, по которым объединение Германии пошло по пути борьбы между Гогенцоллернами и Габсбургами. Если капиталистическое развитие складывается вокруг различных центров, то буржуазия этих центров и военные группы этих конкурирующих центров стремятся объединить Китай под своим руководством, в расчете на большую власть, большие барыши и т. п. Борьба между Чан-цзо-лином и У-пей-фу есть типичная борьба двух военных группировок, опирающихся на два исторически независимо друг от друга развивающихся центра капиталистического развития. Объединение нации может произойти путем восстания народных масс или путем борьбы буржуазно-военных клик между собою. Первый путь, это был путь, который в Германии Маркс указывал народным массам, рабочим и мелкой буржуазии, говоря им, что только посредством революции они добьются наиболее скорой, наиболее решительной ликвидации провинциализма, унаследованного от феодальной эпохи. Но в 1848 году у германской мелкой буржуазии и крестьянских масс не хватило силы для этого, а крупная буржуазия пошла с Габсбургами и Гогенцоллернами, и объединение состоялось не в гражданской войне снизу, а в войне между Пруссией и Австрией, путем давления сверху. Так как сейчас китайские крестьянские массы, мелкая буржуазия и рабочие слабее крупной буржуазии, то объединение идет путем войны, - войны двух представителей этих буржуазных центров, У-пей-фу и Чан-цзо-лина. Каким путем завершится внутреннее развитие Китая, угадать трудно. Быть может, данная стадия приведет к победе У-пей-фу над Чан-цзо-лином, но во всяком случае борьба китайского народа за объединение развивается в фокусе международной борьбы. Как объединение германского народа должно было привести к войне Пруссии с Австрией и позже с Францией, так же стремление к объединению китайского народа неизбежно приводит к столкновению с иностранным капиталом. Почему Франция мешала объединению Германии? По той простой причине, что объединение Германии означало изменение соотношения сил в Европе. Франция и царская Россия были тогда главными руководящими силами на континенте Европы. Возникновение сильной, капиталистической, единой Германии сразу меняло это положение, и само собой понятно, что, будь у власти не Наполеон III, а французская демократия, - это объединение вызвало бы также войну. Всякий новый конкурент, появляющийся на международной сцене, должен с оружием в руках доказать свои силы. Появление на исторической сцене Китая с его 400-миллионным населением, Китая, владеющего территорией в 11 миллионов кв. верст, территорией, на которой находится 1/4 всего мирового угля, первого после американского угля, имеющей огромные залежи железной руды и, по всей вероятности, значительные залежи нефти, объединение Китая и его развитие меняет всю мировую обстановку, не говоря уже о том, что китайская революция, пробуждение китайского народа есть исходный пункт новых громадных войн - революционных и контрреволюционных.

Каково международное положение Китая в данный момент? Я не буду здесь повторять историю внедрения международного капитализма в Китае. Оно шло путем целого ряда войн. В данный момент, после мировой войны на Дальнем Востоке, осталось три конкурента в борьбе за Китай: Япония, Англия и Америка. Самым сильным

Untitled

экономическим иностранным элементом является, конечно, английский капитализм. 40% китайской торговли сосредоточено в руках Англии. Большинство индустриального капитала - фабрики и ж. дороги захвачены английскими капиталистами. В военном отношении сильнее других Япония, благодаря своему географическому положению, имеющая возможность перебросить войска через Корею и Маньчжурию, в непосредственной близости к северу, - то есть не только к Пекину, столице Китая, но и к провинции Шанси, самой богатой углем и железом. Япония не только самая сильная военная держава на Дальнем Востоке, но и экономически наиболее заинтересованная. Не имея собственного угля и железа, она в случае войны, или блокады с моря, зависит в буквальном смысле слова от того, будет ли она распоряжаться углем и железом Китая или нет. Америка - третий из конкурентов в Китае и до войны наименее заинтересованный - вообще только начала втягиваться в дальне-восточные дела. Но с первого момента, как только китайский вопрос стал ребром после японско-китайской войны 1894 г., она, учитывая будущее, обеспечила себе на Филиппинах мост к Китаю. Экономические интересы Америки в Китае за время войны и после войны с каждым годом возрастают. Библиография дает в этом отношении очень интересные данные; оказывается, что из всех книг о Китае, выходящих во всем мире, 70% появились в Америке. Так американский капитал расценивает свои будущие интересы в Китае. В чем они состоят? Во-первых, негативно: не дать Китаю развернуться в самостоятельную капиталистическую державу, потому что конкуренция страны с таким населением, с такими натуральными богатствами представляет собой громадную опасность для Америки. Если присмотреться к расположению угольных и железных копей, то окажется, что большинство их расположено на Атлантической ее стороне. Развитие промышленности угольной, железной промышленности в Китае означает при дешевизне морских фрахтов в будущем возможность появления китайской конкуренции с Америкой не только на мировом рынке, но и на всем побережье Тихого Океана, и не только на азиатском, но и на американском побережье. Во-вторых, интересы капиталистической Америки требуют недопущения японской гегемонии в Китае.

Какая констелляция держав сложилась после мировой войны? Я не упоминаю Франции, ибо Франция благодаря своей экономической слабости не может играть самостоятельной роли. Германия, как империалистическая держава, теперь ничего не значит. Империалистическая Россия исчезла, - остались Америка, Япония и Англия. Перед войной существовал англо-японский договор, который был обращен вначале против России, а после заострился против Германии. Он мог получить острее и против Северных Штатов Америки. Поэтому в 1907 г. Англия оговорила, что этот акт не относится к нациям, с которыми она имеет договор об арбитраже. Такой страной была Америка. Но это бумажное устранение возможности использования англо-японского договора против Америки показалось последней недостаточным потому, что Америка прекрасно понимала, что она и Англия являются конкурентами, и если эта конкуренция доведет до борьбы, то англо-японский союз может быть обращен и против нее. После войны, опираясь на свою мощь и на английскую колонию Канаду, Америка потребовала уничтожения этого союза. Это случилось в 1921 году, и теперь на Д. Востоке мы имеем кооперацию англо-американского капитала против Японии. Отсюда вся программа англо-американской интервенции на Д. Востоке. Борьба между различными губернаторами Китая, конечно, поддерживалась европейскими капиталистическими

Untitled

державами и Америкой. Если они теперь жалуются на китайский милитаризм, то сами являются отцами этого милитаризма, ибо Китай, который вошел в капиталистический водоворот без единой дальнобойной пушки, или с маленькими пушечками, купленными в Макао у португальцев, познал преимущества тяжелой артиллерии под руководством культурных европейских держав. Мало того, в последнее время, несмотря на существование тайных договоров, воспреещающих ввоз оружия в Китай, все без исключения капиталистические державы наперебой поставляют это оружие в Китай. Поддержка в Китае милитаризма была результатом не только погони за прибылью частных капиталистических кругов, но и империалистической политики великих держав, не будучи в состоянии самостоятельно укрепиться на севере Китая (растущее национальное сознание Китая оказывает бешеное противодействие), поддерживали Чан-цзо-лина, своего ближайшего соседа, через которого было удобнее всего действовать. Англичане и американцы ставили ставку на У-пей-фу. Причины, почему они это делали, также ясны. Главная сфера влияния, где внедрился английский и американский капитал, это именно пространство между Гуангхо и Янгсе, - территория, которой владеет У-пей-фу. Но теперь для английского и американского капитала созрел момент, чтобы попытаться окончить эту войну конкурентов за власть в Китае. Япония, которая во время войны захватила Шантунг, оставленный ей в Версале союзниками, несмотря на протесты Китая, за послевоенное время значительно ослабела. Англо-американская кооперация изолировала ее полностью, Япония была вынуждена на Вашингтонской конференции уйти из Шантунга, хотя англичане остались не только в Гонконге, но и в Вейхайвее. Главной сферой влияния Японии осталась Маньчжурия, где японский капитал пользуется большими преимуществами. Землетрясение, стихийное бедствие, по поводу которого союзники с Америкой во главе пролили так много слез, они теперь политически пытаются использовать. Япония, которая в продолжение каких-нибудь пяти лет не в состоянии расходувать значительных сумм на дальнейшее вооружение и в ближайшие годы не может оказать значительной военной помощи Чан-цзо-лину, не может ни под какими условиями рисковать войной с Америкой. Обстановка самая благоприятная, чтобы вырвать у Японии преимущества, которые она имеет в Маньчжурии. Эти преимущества велики: своя собственная полиция для охраны железной дороги и т. д. Кроме того, Япония является главным капиталистическим фактором, в ее руках - финансирование маньчжурской промышленности, растущий вывоз хлеба и бобов соя, из которых добываются растительные масла. Каким образом можно выпереть Японию из Маньчжурии, присвоить ее привилегии? Прежде всего подчинить Чан-цзо-лина У-пей-фу... Поэтому-то англо-американский капитал и выдвигает теперь программу пацификации Китая, уменьшения вооружения, окончания борьбы между генерал-губернаторами. Ведь перевес на стороне У-пей-фу, и если, под давлением союзников, дело дойдет до конференции китайских генерал-губернаторов, или У-пей-фу разрешит вопрос силой оружия, - то Чан-цзо-лин будет подчинен У-пей-фу, и таким образом преимущества Японии в Маньчжурии будут ликвидированы.

Какова дальнейшая программа Англии и Америки? В нашей прессе очень часто рассматривают Чан-цзо-лина, У-пей-фу и других губернаторов в Китае, как наймитов иностранного капитала. Это преувеличение, которое не соответствует действительности. Люди, под наблюдением которых идет вывоз в 1 1/2 миллиарда руб., т.е. более значительный, чем наш, державшие в своих руках громадные территории, это -

Untitled

самостоятельные факторы значительной силы. И Чан-цзо-лин, и У-пей-фу координируют свои действия с иностранными державами друг против друга так же, как Пруссия пыталась заручиться поддержкой царизма в борьбе с Австрией, как эта последняя искала поддержки Франции, но само собой понятно, что Чан-цзо-лин и У-пей-фу рассчитывают, - а этот расчет опирается на известные реальные моменты, - что каждый из них, выиграв борьбу при помощи иностранных держав, потом сможет самостоятельно повести игру против иностранных держав. Поэтому-то и У-пей-фу добивается признания Советского Союза, поэтому, приезжая в Пекин в разгар войны, отправляется с визитом к тов. Карахану. Это доказывает его желание вести самостоятельную политику и понимание им будущих своих интересов. Если он подчинит себе Чан-цзо-лина, то будет нашим соседом. Ему нужны сношения с нами, чтобы в дальнейшем играть самостоятельную роль по отношению к англо-американскому капиталу. Чан-цзо-лин, со своей стороны, заключает с нами соглашение на счет Китайско-Восточной железной дороги.

Какова же актуальная программа англо-американского капитала в Китае? Он великолепно понимает, что У-пей-фу не является пешкой, и поэтому на всякий случай уже готовит ему противовес. В последнее время появился начальник пекинского гарнизона христианский генерал Ценг, и на него надеются опереться, если нужно будет нажать на У-пей-фу.

Англо-американцы выдвигают программу не уничтожения генерал-губернаторов, а программу федерации, подчинения их одному центру. Таким образом они оставляют за собой возможность разыгрывать и в будущем друг против друга китайских провинциальных царьков. Как представляют себе пацифисты дальнейший ход событий? Если У-пей-фу победит, то в их руках останутся выходы к морю - Шанхай и Тиенсисин. Там стоят гарнизоны союзников, корабли, сосредоточены значительные военные силы. Китай, которому в течение двух десятилетий набросили на шею петлю в виде целого ряда контрибуций, процентов по займам и т. д., находится в неслыханно тяжелом финансовом положении. Таможенные пошлины взимаются в китайских гаванях англичанами. В первую очередь из них уплачивается контрибуция по боксерскому восстанию. Соляная монополия, одна из главных податей в Китае, заложена в обеспечение ряда займов. Китайские генерал-губернаторы не имеют денег для содержания армии: провинциальные армии месяцами и годами не оплачиваются. Победа У-пей-фу над Чан-цзо-лином у Шанхая во многом зависит от того, что губернатор Киангсу Ли сумел выбросить значительную сумму денег для подкупа солдат своего противника. Расчеты союзников основываются на том, что победитель останется гол, как сокол, что, имея возможность оказать на него военный нажим и затем предоставить соответствующий заем, его легко держать за горло. Поэтому они не выдвигали захвата территории и раздела Китая. Часть территорий захватывает только тот, кто чересчур слаб и не может захватить целого: японцы, которые не в силах покорить всего Китая и экономически конкурировать с Америкой, борются за особые сферы влияния. Англо-американский капитал выдвигает план экономической эксплуатации всего Китая и для осуществления этого плана он вырабатывает целый ряд требований, как, например, разрешение держать свои гарнизоны в центрах промышленности. Железные дороги в Китае, кроме Маньчжурии, охраняются китайскими войсками. Англо-американские

Untitled

капиталисты, наверное, затребуют права держать караулы по железно-дорожн ям. Дальнейшие меры будут направлены против демократического национального движения в Китае, которое представляет огромную опасность для европейского и американского капитала. Это имеет базой провинцию Квантунг, в правительстве Сун-Ят-Сена; поэтому интервенция в первую очередь обращена была против него. Конечная цель интервенции во всекитайском масштабе не допустить объединения Китая национально-демократическим движением. Если объединение Китая произойдет в результате национально-демократического движения, и в этой борьбе пролетариат получит в ряде боев свое крещение, то он завоюет себе, даже при капиталистическом режиме, свободу печати, свободу собраний, организует профсоюзы, и тогда одно из главных преимуществ Китая для иностранного капитала исчезает: исчезнет Китай, как поставщик дешевого сырья и дешевого труда, исчезнет рай, где за 20 коп. можно эксплуатировать рабочих по 14 часов в сутки. Китай будет самостоятельной капиталистической державой, равной среди равных. Интервенция союзников в Китае в ближайшее время не примет характера большого военного похода, но она в полном разгаре, она будет усиливаться, и целью этой интервенции является подчинение Китая англо-американскому финансовому капиталу, который хочет себе обеспечить источник дешевого сырья и дешевых рабочих рук, эксплуатируемых на месте.

Международное значение англо-американской интервенции в Китае состоит, в первую очередь, в том, что предпосылкой стабилизации капитализма является громадное расширение рынков. Оно может произойти или путем крупных технических сдвигов, удешевляющих товары, которые завоюют себе, таким образом, новые массы покупателей. Этот путь пока что закрыт для международного капитализма, потому что такого огромного технического сдвига нет. Единственная возможность его возникновения, - путем развития электро-технической промышленности, - закрыта ввиду того, что международная буржуазия не обладает теперь капиталами, которые нужны для проведения электрификации мира в широком масштабе. Поэтому если капиталистический мир хочет стабилизироваться, то ему нужны громадные новые рынки. Таких рынков в мире имеется два: это СССР и Китай. Поэтому не случайно, едва только Лондонская конференция союзников открыла перспективу компромисса в Центральной Европе, русско-английский вопрос принял более острую форму, заострилась борьба за заем и заострился китайский вопрос. Быть может, мы не имеем еще здесь дела с решениями правительств, что действует здесь закон давления и атмосферы и равновесия. Военные разведчики, финансовые агенты Англии и Америки в Китае, пока не было лондонского компромисса, чувствовали себя связанными, потому что знали, что их правительства не смогут в нужный момент оказать достаточной поддержки. Как только выяснилось, что в Европе достигнут известный компромисс, эти конквистадоры почувствовали, что теперь их руки развязаны, и прежде чем господа государственные люди, те, которые вершают дела головою, успели что-нибудь придумать, другие государственные деятели, работающие во всех агентствах, уже - в действии, уже создают совершившиеся факты, которые связывают правительство. Можно было проследить в печати, как действия английского флота у Шанхая и Кантона дали толчок для переговоров между державами. Таким образом китайский вопрос опять показывает, что эра пацифизма и демократизма означает попытку подчинить Китай англо-амери у капиталу, попытку задушить его нарождающееся национально-демократическое

движение.

г) Лига Наций - обеспечение мира.

Я перехожу к четвертой проверке, к Лиге Наций и вопросу о разоружении на конференции Лиги. В Вашингтоне американский и английский капитал выступал в качестве застрельщиков мира, уменьшения вооружения и т. д. От Вашингтонской конференции нас отделяет уже два года. Вашингтонская конференция укрепила мир в том смысле, что вместо больших кораблей теперь строят больше подводных лодок, крейсеров и создают целые флотилии аэропланов. Она произвела серьезные изменения в роде оружия. Положение на Д. Востоке в смысле военном разрядилось не благодаря Вашингтонской конференции, а благодаря землетрясению в Японии. Какую же картину представляла борьбу за разоружение на осенней сессии Лиги Наций? Во всяком случае очень характерную. Во-первых, Америка по сегодняшний день не принимает участия в Лиге Наций и, по всей вероятности, и впредь от всякого участия воздержится. Причина? Мощный американский капитал совсем не намерен подвергать вопрос о своем отношении к республикам Центральной и Южной Америки, вопрос, разрешенный с оружием в руках и при помощи жесточайшего экономического давления, публичному обсуждению многоуважаемых Эстонии, Латвии, Литвы, Албании и других республик, представленных в Лиге Нации. Во-вторых, американский капитал совсем не намерен поставить свое вооружение под контроль синедриона этих малых держав. Американский капитализм остается формально вне игры вокруг "разоружения" Европы.

Решающую роль на сессии Лиги Наций играло английское рабочее и демократическое французское правительство. В Женеве состоялся большой турнир. Г. Макдональд сказал очень патетическую речь, г. Эррио также. Г. Макдональд говорил все время об арбитраже, г. Эррио говорил о гарантиях мира. В чем разногласия? Англия имеет флот громадной силы, равный ему флот имеет только Америка; Франция на море слаба. Разоружение в Европе очень выгодно для английского империализма по той причине, что оно обозначает ослабление Франции. На материке сражаются пехота, кавалерия, артиллерия, и если уменьшить этот род вооружения, не уменьшая вооружения на море, то континентальные державы ослабнут, опять-таки в первую очередь Франция... Поэтому англичане, не уменьшая вооружения на море, а, наоборот, устроив перед сессией большие военные маневры, чтобы показать свою силу, добиваются уменьшения вооружения в Европе, как гарантии ослабления сил Франции. Франция с своей стороны спрашивает: а в случае нападения на меня, что вы гарантируете? блокаду? Блокада медленно действует, за это время меня успеют задушить, обещаете, что Лига Наций прикажет всем нациям идти нам на помощь: где гарантии, что они исполнят приказ Лиги Наций? Гарантия мира состоит в создании боеспособности, а боеспособность создается путем частичных военных союзов. Позвольте мне иметь союз с Польшей, с Румынией, с Юго-Славией и Чехо-Словакией, это уже кое-что даст, а кроме того заключите со мной договор, гарантирующий Франции границы, завоеванные в 1918 г., и тогда мы готовы идти на уменьшение вооружения. Но Англия не только не намерена дать Франции гарантии, связывающие ее на определенный исторический период с Францией, она еще решительно высказывается против частичных союзов. Вот почему пацифистский турнир в Лиге Наций превратился, по меткому определению одного из английских журналистов,

Untitled

в очередную войну Англии и Франции "на пацифистском поприще". Дебаты Лиги Наций от 4 сентября вызвали взрыв негодования во Франции. Все дело было передано в комиссию Лиги Наций, которая в п ние трех месяцев состряпала компромисс, увидевший свет божий под названием "Протокола Бенеша". Этот протокол, после многих переработок принятый единогласно 2 октября Лигой Наций, должен быть до мая 1925 года ратифицирован парламентами всех членом Лиги Наций, после чего в июне должна быть созвана Международная конференция, посвященная вопросу об уменьшении вооружений, к участию в которой будут приглашены и державы, не являющиеся членами Лиги Наций. Каково содержание протокола Бенеша? Он представляет собой компромисс французской и английской точек зрения и обязывает всех членом Лиги Наций не начинать никаких военных действий ни друг против друга, ни против третьих держав, прежде чем Гаагский арбитражный суд и Лига Наций не займутся спорным вопросом и не решат его. Держава, которая отклонит привлечение ее Лигой Наций к суду, или вопреки решения ее начнет военные действия во время разбирательства дела, должна быть объявлена зачинщиком наступательной войны. Все члены Лиги Наций обязаны по решению Лиги Наций порвать с нею всякие экономические сношения и, в случае соответствующего решения, даже начать против нее военные действия. После принятия этого статута всеми государствами, входящими в Лигу Наций, Международная конференция должна заняться вопросом об уменьшении вооружений. Еще не обсохла бумага, на которой напечатан этот протокол, а уж начался ожесточенный бой между французской и английской капиталистической прессой. Часть французской буржуазной прессы празднует это решение, как большую победу Франции. Во-первых, по ее мнению, английский флот, на основе этого решения, может быть мобилизован Лигой Наций против державы, не подчиняющейся решениям Лиги Наций. Для Франции само собой не подлежит сомнению, что такими злостными свойствами характера может обладать только Германия или Советский Союз. Против них-то Англия обязана будет гарантировать безопасность невинной Франции. Во-вторых, в Бенешском протоколе есть пункт, разрешающий всякой державе сказать, какими средствами, какой силой она может и хочет помочь своим друзьям в несчастном случае. Это не что иное, как легализация существующих уже военных союзов Франции и ее вассалов. Английская печать заявляет в один голос, от "Таймс'а" до "Манчестер Гардиан", что не может быть и речи о том, чтобы Англия обязалась на основе решений Лиги Наций ангажировать свой флот. Во-первых, Великобритания является не только европейской державой, она имеет колонии во всех частях мира, колонии, не очень заинтересованные в европейских событиях. Они, наверное, не пожелают взять ответственность за вмешательство в чортов котел Европы. Во-вторых, отсутствие С. Штатов Америки в Лиге Наций создает опасность конфликтов между Южной и Центрально-американскими республиками, входящими в состав Лиги Наций, и С. Штатами. При таких конфликтах Англия не намерена рисковать никаким вмешательством. "Таймс", играющий и при рабочем правительстве роль наиболее показательного представителя взглядов английской буржуазии, заявляет, что Англия и так уже чересчур обременена обязательствами, вытекающими из Лондонского соглашения, чтобы прибавлять к ним еще новые. Очень характерно отношение ко всей Женевской шумихе С. Штатов Америки. Пресса их, занятая выборами, ограничивалась короткими комментариями и притом довольно скептическими по адресу женевских решений. Вряд ли они будут ратифицированы всеми участниками, во всяком случае постановления эти не касаются нас. Американский

Untitled

капитал не позволит никому путаться под ногами в случае, если американские тресты начнут душить одну из южно-американских республик. Кроме того, инцидент, вызванный на Сессии Лиги Наций Японией, наверно только усилит враждебное отношение С. Штатов к Женевским решениям. Япония едва не сорвала все единогласие, нужное для того, чтобы написать хоть бумагу о водворении всеобщего мира. Бенешский протокол содержал пункт, оговаривающий, что вмешательство Лиги Нации возможно только по вопросам международным. Если спор идет из-за конфликта, который международный суд признал делом внутренней политики одного из тяжущихся государств, то Лига Наций не вмешивается; если одна сторона, вопреки решению Лиги, все-таки отказывается рассматривать вопрос, как внутривнутриполитический, и вступит в войну, то она объявляется нападающей стороной и будет иметь против себя Лигу Наций. Вся эта абракадабра означает следующее: одним из главных поводов возможного конфликта между Японией и С. Штатами Америки является исключение японцев из числа народностей, имеющих право эмигрировать в Америку. Эта политика С. Штатов закрывает для Японии все отдушины. Английские колонии последовали примеру С. Штатов. Япония, страдающая относительным избытком населения, лишена возможности выбросить его за границу, и все снова протестуют против этой политики ограничений. Господствующие ее классы боятся скопления пролетаризированных элементов, не находящих применения в японской промышленности. Вопрос об эмиграции, являющийся, таким образом, крупным международным вопросом, есть одновременно вопросом внутренней политики Америки. Отказ Лиги Наций от принятия определенного решения по этому вопросу и страх перед войной, которую он может вызвать, ставят японскую буржуазию в неслыханно тяжелое положение. Поэтому Япония и отказалась подписать Бенешский протокол, до внесения в него оговорки, во всяком случае позволяющих поднять этот вопрос перед Лигой Наций. Само собой понятно, что при первой попытке Лиги Наций вмешаться в американские дела, она не услышит ничего, кроме грубого: господа, убирайтесь вон! Но самая возможность такого вмешательства усиливает враждебность правительства С. Штатов ко всей Женевской затее. Оно само намерено взять в свои руки вопрос об уменьшении вооружений в Европе. Ведь американский президент Кулидж уже заявил, что Америка созывает международную конференцию по вопросу о разоружении. Америка хочет удержать этот вопрос в своих руках, потому что она сама будет разоружать и вооружать Европу в зависимости от того, удержится ли англо-американская кооперация или уступит место англо-американской конкуренции. Тогда, может быть, полезно не только разрешить Франции ее дальнейшие вооружения, но даже помочь ей в этом, что может понадобиться еще и по другим соображениям. Если Америка серьезно ангажируется в германских делах, то ей может понадобиться судебный пристав в лице Франции, который с винтовкой в руках караулил бы германского должника. Вопрос об уменьшении вооружений не только не решен Лигой Наций, но он будет в ближайшие месяцы предметом самой острой политической борьбы, в которой, с одной стороны, примет участие Франция со своими вассалами, требующими обеспечения своей добычи 1918 года, с другой стороны, Англия с жирными нейтральными государствами, боящимися быть втянутыми в новый империалистический конфликт. На чьей стороне окажутся в этой борьбе С. Штаты Америки - теперь еще неизвестно.

III.

Untitled

Сущность "демократическо-пацифистской" эры.

В чем сущность так назыв. демократическо-пацифистской эры? Этот вопрос станет ясным, если вспомнить, что он уже не в первый, а в третий раз становится перед нами со времени окончания войны.

В первый раз он возник в форме вильсонизма. Четырнадцать пунктов Вильсона, на основе которых Германия капитулировала и сложила оружие, вызвали в широчайших народных массах веру в то, что мировой капитализм от эры конкуренции и состязания, наконец, переходит к эпохе международной организации, дающей простор для равномерного, хотя и капиталистического развития народов - без войн и бешеной эксплуатации народных масс. Герольдом этих иллюзий не преминула сделаться международная социал-демократия, тогда еще разбитая на антантовский и германский лагери. Почтенный Карл Каутский еще раз проституировал марксизм, доказывая, учено и пространно, что природа американского империализма - такова, что он должен жить по вегетариански. Вильсоновская утопия лопнула в Версале, как мыльный пузырь, от соприкосновения с реальными интересами капиталистических держав-победительниц, из которых ни одна не хотела пожертвовать малейшим своим интересом во имя "справедливой международной организации капиталистического общества". От вильсоновской утопии остался версальский меч, завернутый в бумагу, испачканную статутом Лиги Наций.

Во второй раз эта утопия возродилась в прекрасной южной Франции, в Каннах, где Л.-Джордж обучал Бриана игре в гольф и, между прочим, пытался, по-новому и справедливому, решить репарационный вопрос, где Ратенау спел свою лебединую песнь и так хорошо, что, воротясь домой, рассказывал: "если бы вы видели, с каким вниманием меня слушали союзники, то поняли бы, что началась новая эра соглашения и мира!".

Наконец, эта утопия еще раз стала перед нами в Генуе, где Л.-Джордж между завтраками, обедами и ужинами в прекрасных старых итальянских палаццо пытался разрешить вопрос об отношении капиталистического мира к союзу Советских Республик. На этот раз утопия умиротворения мира под эгидой английского империализма - ибо американский повернулся к Европе спиной и заперся в своем заатлантическом вигваме - явилась в значительно более общипанном виде. Без Америки нельзя было решать всех мировых вопросов. Л.-Джордж поэтому занялся более скромной задачей - водворением мира и благодати в Европе. Но конференция в Каннах кончилась тем, что Пуанкаре послал к чорту Бриана и начал готовить поход на Рур. Конференция в Генуе кончилась срывом; Штандарт Ойль, американский нефтяной трест, испугавшись советской сделки с английским нефте-трестом, взорвал ее через своих агентов.

Накануне Каннской и Генуэзской конференций г. Гильфердинг - эта карикатура на Каутского - разливался соловьем на страницах органа независимой социал-демократии, носящего ироническое название "Свободы". В этой статье (1 января 1922 года) г. Гильфердинг писал:

Untitled

"Капиталистическое хозяйство знает два метода увеличения своих прибылей через концентрацию капитала: победу над слабейшим противником в конкуренционной борьбе или объединение сильных в сообщество интересов. Чем прогрессивнее капитализм, чем выше ступень производства, чем выше участие постоянного капитала, тем дороже конкуренция, тем менее известен ее исход. Поэтому тем большее место конкуренции занимает соглашение, попытка преодолеть анархию организацией. Цель повышения прибылей остается той же самой, но методы меняются. Вторая экономнее и действительнее.

"Так же обстоит дело в международной политике капиталистических держав, все содержание которой в последнем счете определяется стремлением капитала к экспансии. Это создает противоречие интересов и возможность конфликта. Вопрос остается открытым, должны ли они приводить к войне. Для того, чтобы это случилось, противоречия экономических интересов должны найти свое выражение в политике государства, угрожающей другим государствам. Соотношение сил должно быть такое, чтобы борющиеся государства или группы государств могли ожидать каждая для себя победы. Слишком большая разница в соотношении сил принуждает более слабого к капитуляции без боя.

"Последняя война оставила только два центра силы. Она продемонстрировала, как опустошающе действует война на хозяйство, как это опустошение превышает все выгоды, которые дает победа. Чтобы добиться экспансии капитала и обеспечить ее, необходимо изменение методов. Соглашение должно занять место борьбы. Этот новый метод делается тем более необходимым, что сила Америки и Англии сравнительно равна и война означала бы гибель обеих, объединение же даст им громадный перевес. К этому прибавляется еще акт, не отметить или недооценивать который означало бы впасть в вульгарный марксизм, - факт культурной близости обеих англо-саксонских держав, который наперед исключает возможность военной развязки".

На основе этой теории господин Гильфердинг уже в 1920 году провозглашал наступление новой эпохи пацифизма и демократии. Новая эпоха, не зная теории господина Гильфердинга, опоздала на 4 года. Мы еще присмотримся к теории господина Гильфердинга. Тут мы хотим только установить, что он в одном, несомненно, прав: то, что ново для рассматриваемой эпохи, это именно англо-американская кооперация. Он - стержень всей новой мировой констелляции. Этот факт имеет громадное значение для уяснения смысла переживаемого времени. Он состоит из двух основных элементов: из ослабления в Европе французского и немецкого капитализма, за которым последовала победа так наз. демократии во Франции, из расстройств политического парламентского аппарата английского империализма, из ослабления японского империализма, которое усилит буржуазно-демократические элементы в Японии, и, с другой стороны, из возвращения С. Штатов Америки в Европу, которое сделало возможным англо-американскую кооперацию. Мы, таким образом, имеем перед собой перегруппировку сил в лагере мировой буржуазии и сдвиг в соотношении классов во Франции, Германии, Японии, а отчасти и Англии. Который из элементов важнее, как источник рождения так наз. новой эпохи? Мы думаем, что первый: создание англо-американской кооперации. Это становится ясным, если принять во внимание два

Untitled

факта. Финансовые затруднения Франции, не позволившие ей использовать Рурскую победу и уже заставившие господина Пуанкаре принять план Дауэса. Не будь победы левого блока, Пуанкаре был бы принужден проводить ту же политику, которую проводит теперь Эррио. Он делал бы это, быть может, без демократически-пацифистских фраз, но делал бы. Что касается политики английского правительства, то она только продолжает политику и Ллойд-Джорджа, и Болдуина. Ллойд-Джордж всеми силами стремился к англо-американской кооперации, а консервативное правительство Болдуина согласилось даже взять на себя такую великую тяжесть, как уплату 300 миллионов золотых рублей в год, лишь бы добиться соглашения с Америкой. Вся эра пацифизма и демократии повисла бы в воздухе без англо-американских займов, ибо финансирование Германии не по силам одной Англии. Англо-американская кооперация вот смысл пацифистской эры.

А что означают лозунги, под которыми разворачивается эта кооперация? Являются ли они только обманом? Никак нет. Они имеют на определенное время определенный смысл, так же как во время войны имел определенный смысл лозунг Антанты - "за освобождение малых народностей". Антанта создала независимую Польшу, Чехо-Словакию, Эстонию, Латвию, Литву. Она эти страны "освободила" для того, чтобы провести балканизацию Европы и облегчить себе таким образом господство во всей Европе. Что означает пацифизм для англо-американской кооперации? Задачей этой кооперации является не захват новых территорий, а хозяйственное их порабощение. При этом дело идет о хозяйственном порабощении или высоко развитых капиталистических организмов, как Германия и Франция, или о хозяйственном порабощении стран, имеющих значительную силу сопротивления, как Советская Россия и громадный Китай. Все искусство состоит в том, чтобы взять эти страны на финансовый аркан, а не развалить их при помощи пушек. Можно допустить, что англо-американский финансовый капитал очень бы хотел провести план финансового порабощения Германии, Франции, России, Китая гладенько, без одного выстрела. Англо-американский финансовый капитал не только хочет, но и надеется провести этот проект, опираясь на свое экономическое могущество. И не подлежит сомнению, что в тот первый период, когда Америка и Англия будут давать займы, не выжимая пока что из своих должников миллиардов, их жертвы будут брать деньги вполне мирно. Пределы пацифизма кончаются там, где начнется взимание процентов, захват хозяйства целых стран, где туземная буржуазия, выступающая в роли подрядчика англо-американского капитала, начнет усиливать свою эксплуатацию, чтобы уплатить дань англо-американскому капиталу. Другая грань англо-американского пацифизма, это - отпор народов, которые совсем не хотят быть осчастливлены англо-американской "помощью" или готовы взять доллары и фунты, но с благодарностью отказываются от перехода на положение рабов англо-американского капитала. Пацифизм новой эры будет продолжаться, пока Морганы и Норманны не перестанут намыливать веревку.

Идея захвата всего мира двумя капиталистическими группами, как бы сильны они ни были, идея организации этого мира англо-американским капиталом по существу не реальна. Остальной капиталистический мир, несмотря на свое ослабление, достаточно силен, чтобы защищаться путем целого ряда контр-комбинаций. Даже господин Гильфердинг не сможет указать такого примера, чтобы международному тресту удалось

Untitled

охватить весь мир. Новые технические изобретения дают жизнь новым капиталистическим трестам. И даже там, где два капиталистических треста достигают известных соглашений, это - соглашения временные, не исключающие дальнейшей борьбы. Достаточно указать на отношение американского и английского нефтяных трестов, которые заключили целый ряд соглашений, но не перестают друг с другом бороться. В политике дело обстоит еще более сложно. Англо-американская кооперация может привести к соглашению целого ряда капиталистических держав, как Франции и Японии, против англо-американского треста. Они слабее, но достаточно сильны, чтобы дезорганизовать "мирное" проглатывание вселенной англо-американским финансовым капиталом. Кроме этих старых капиталистических держав, существует целый ряд новых, молодых, как Турция, Персия, Китай и т. д., где буржуазия может еще опираться в борьбе с англо-американским засилием на громадное народное движение, стремящееся к национальной свободе. Мало того, положение англо-американского финансового капитала осложняет еще тот факт, что мы имеем здесь дело не с диктатурой одного американского капитала, а именно с кооперацией двух конкурентов. Эта кооперация разобьется в тот момент, когда выступят наружу различия интересов обоих конкурентов (контрагентов) при дележе добычи, или когда неудачи англо-американской кооперации сделают более прибыльными для каждого из контрагентов попытку на собственный счет сговариваться с колониальными народами или капиталистическими странами, представляющими теперь объект англо-американской политики. Насчет демократических последствий англо-американской кооперации не приходится

говорить. Социальным стержнем этой кооперации являются не мужички и лавочники господина Эррио и не английские машиностроительные рабочие, а финансовый капитал: в Америке тресты, организующие Пинкертонов, бросающие бомбы на американских углекопов в Вирджини, Англия - старые финансовые разбойники, удушающие Египет и Индию, заводчики, составляющие кадры консервативной партии. Нечего долго доказывать, что они при первой необходимости спустят против рабочих фашистские своры, не остановятся ни перед какими мерами насилия, чтобы выколотить из населения проценты по своим займам. Сегодня им это по отношению к Франции и Германии не нужно. Если они дадут ей займы, то это на короткое время даст передышку французской и немецкой буржуазии. Стабилизация германской валюты, развертывание промышленности временно смягчит социальный кризис, усилит те элементы буржуазии, которые, понимая, что разгул фашистов не есть лучшее средство повышения производительности труда, пытаются господствовать при помощи демократической видимости. Завтра, когда масса почувствует на своей спине все прелести нового режима и снова поднимется волна классово-борьбы, рассеется весь демократический дурман англо-американской кооперации. Фашизм и буржуазная демократия не противоречат друг другу. Фашизм представляет собой попытку реставрации капитализма при помощи боевой силы, созданной из пролетаризованных, отчаявшихся элементов мелкой буржуазии. Он вступает в действие, когда буржуазия считает, что иначе нельзя удержать власти. Демократический метод представляет собой попытку реставрации капитализма путем связывания масс по рукам и ногам паутиной реформистских иллюзий. Эта паутина рвется при всяком обострении классово-борьбы. Она теперь слабее, чем была перед войной, она держится, в первую очередь, усталостью масс, которые хотят иметь иллюзии. Ее разгонит первое дуновение ветра, который придет и в случае скорого

Untitled

банкротства пацифистско-демократической эры и в случае ее настолько продолжительного существования, что массы почувствуют, что она не имеет ничего общего ни с демократией, ни с пацифизмом.

Мы можем теперь перейти от рассмотрения так называемого пацифистско-демократического периода, т.-е. от вопроса о его окончательных перспективах, к вопросу о его ближайших конкретных перспективах.

IV.

Ближайшие перспективы "пацифистско-демократической" эры.

Приходится снова начать с Лондонского соглашения. На бумаге соглашение в Лондоне обеспечивает уплату репараций Германией и мир в Центральной Европе. Но с каким доверием относятся к этим гарантиям капиталистические державы? Ответом Франции явился ее отказ уйти из Рурского бассейна, впредь до реального осуществления лондонских решений. Этот вопрос состоит, во-первых, в том, дадут ли английские и американские капиталисты Германии 17 миллиардов зол. марок, 800 миллионов в этом году, 11 миллиардов займов по жел.-дор. облигациям и 5 миллиардов по промышленным облигациям в следующие годы; вопрос, дадут ли они германской промышленности частный кредит, - без которых немислимо проведение лондонского "соглашения". Мы видим, как начинается реализация этого маленького займа в 800 миллионов. От Германии требуют 8% при курсе выпуска в 90, т.-е. по существу 9%. Это неслыханный разбойничий процент, ибо в Америке можно те же деньги получить за 3%. Это уже показывает, с каким громадным недоверием относится финансовый капитал к этому делу. При всех международных гарантиях он еще требует высокого процента, чтобы прельстить покупателей займа, которые иначе на него не пойдут. И это, когда дело идет всего о каких-нибудь 800 миллионах. Отсюда ясно, что жел.-дор. и промышленные займы в ближайшие годы не надеются полностью разместить. Но даст ли Англия и Америка эти займы? Это вопрос, который находится под большим вопросительным знаком. В течение ближайших 2-х лет Германии придется платить сравнительно мало, поэтому сначала все будет идти сравнительно спокойно, но через 2 года начнутся платежи. Германия должна будет вносить проценты по этим займам до 2 1/2 миллиардов зол. марок в год. Откуда она возьмет эти деньги? Для того, чтобы действительно платить, страна в ближайшие годы должна утроить свой вывоз, которого едва хватит на покрытие дани. Сейчас вывоз Германии равняется 6 миллиардам. В продолжение этих лет громадные недочеты ее торгового баланса покрывались частными займами, частным кредитом, выпуском обесценивающихся денег. Теперь это кончилось. Чтобы удержать свою промышленность на предвоенном уровне, Германия должна ввозить 16 миллиардов и вывозить 16 миллиардов. Вывозит она 6 миллиардов. Если к этому еще прибавить миллиарды, которые она должна будет выплачивать союзникам, то останется отчаянный прыжок в неизвестность, и американский орган "Нью-Республик" прав, заявляя, что с практической точки зрения весь план Дауэса является совершенно "фантастическим планом".

План Дауэса скоро начнет действовать, - пишет "Нью-Републик" от 20 августа. - Он будет

Untitled

по всей вероятности достаточно долго действовать, чтобы допустить реализацию займа в 800 миллионов марок. Доходы от этого займа, вероятно, позволят удержать Германию и Францию в продолжение двух лет. После этих двух лет, когда германское правительство обязано будет начать уплату репараций, увеличатся затруднения в очень больших размерах. События последних лет дезорганизовали германские финансы и промышленность. Никто не может теперь предсказать, вынесет ли она тяготы, напряжение, шаткость положения, которые будут созданы проведением в жизнь плана Дауэса и попыткой проведения здоровых экономических методов. Даже если проведение плана Дауэса удастся легче, чем это теперь кажется вероятным, и после двух лет даст экономическую и финансовую прибавочную стоимость, достаточную для немедленного удовлетворения потребностей кредиторов, то все это будет получено ценой такого понижения уровня жизни масс, что оно сделает невозможным дальнейшее проведение в жизнь этого плана. Но если бы даже удалось нажимом провести Германию через третий год без того, чтобы она отказалась от договора, то, наверно, в ближайшие годы страна окажется не в состоянии поставлять дань соответственно все растущим требованиям. В известный момент проведения в жизнь этого плана Германия окажется неспособной его выполнить".

Так говорит либерально-демократический орган, который защищает план Дауэса, как известную передышку для Германии. Еще более ярко выражается очень влиятельный орган американского финансового мира "Джорналь оф Коммерс" от 26 августа. Он заявляет, что в информированных кругах все уверены, что дауэсовский план не может быть проведен в жизнь.

"Главный пункт всего репарационного вопроса даже не тронут Дауэсовским планом. Это вопрос о том, позволено ли будет Германии занять соответствующее место как одной из главных производящих наций. Только если устранить искусственные затруднения для промышленного развития Германии, то может идти речь о ее экономическом оздоровлении... Наши деловые люди вылили на общественное мнение много чувств, много слов о необходимости восстановления Европы, спасения цивилизации, но о реальной помощи не было речи. Наш президент обещает Германии большие займы, но не думает даже ни на одну минуту понизить тарифы для германских товаров".

Этим замечанием американская финансовая газета попадает господам спасителям Германии прямо в глаз, ибо в вопросе о будущем Германии и вообще капитализма главное, это - увеличение мирового рынка, который протекционистская политика Америки искусственно сокращает во имя интересов американских трестов. Чтобы окончить цитаты голосов, предостерегающих от казенного оптимизма насчет лондонского компромисса, мы приведем еще место в статье Ллойд-Джорджа, который принадлежит, наверно, к людям, знающим, где раки зимуют.

"Господин Рамзей Макдональд говорит, что Лондонская конференция изменила европейские перспективы. Будем на это надеяться, - говорит скромно Ллойд-Джордж. - Еще преждевременно уверенно сказать, какое влияние на мир произведет наполнение жил Германии новой кровью. Здоровая Германия, наверно, не будет такой податливой, как обескровленная. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что через несколько

Untitled

лет состоится новая конференция, которая снова займется ревизией Лондонского соглашения".

Что это значит? Это означает (и в некоторых банковских кругах так и оценивают план Дауэса), что американский и английский капитал в данный момент еще не рискует заявить Франции: "господа, вы не получите даже и четвертой части того, на что рассчитывали!". Это неприятное объяснение оттягивается еще года на 2-3, в течение которых французский империализм расшатается еще больше, план Дауэса успеет обанкротиться, и тогда Франция будет вынуждена совсем отказаться от репарации. План Дауэса, это пока план на бумаге; что из него выйдет, никто не знает, и, пока что, говорить о стабилизации капитализма в Германии, хотя бы на ближайшие пять лет, - нонсенс. Германская промышленность находится сейчас в таком тяжелом положении, в каком она никогда не находилась, потому что она в данный момент зависит ежедневно от того, даст ли за граница кредит. Если короли германской тяжелой промышленности, угольные и железные короли Рурского бассейна должны были взять заем в пять миллионов долларов на самых невыгодных условиях, лишь бы совсем не остановить промышленность, то это очень знаменательно для создавшегося положения. Но если план Дауэса провалится, то какие последствия будет это иметь для Франции? Примирится ли она без боя с фактом исчезновения германской дани, в то время когда ее заграничные долги (30 миллиардов золотых франков) не исчезли. Тогда очень возможен новый открытый империалистический пуанкаровский поворот во Франции. Как только окажется, что этот план недееспособен, зацепка в виде французских войск, оставшихся в Рурском бассейне, может сделаться исходной точкой для нового нажима на Германию и для нового обострения англо-французских отношений.

Каковы же перспективы взаимоотношений капиталистического мира с Советским Союзом? Есть ли у нас средства для борьбы с возможной финансовой блокадой? Конечно, у нас эти средства есть. В этом году мы имели неурожай. Но постоянная линия развития нашего земледелия идет вверх. Вывоз хлеба, вывоз нефти, вывоз леса гарантируют тот приток капитала, который позволит нам, если не скоро, то все-таки итти вперед. Финансовая блокада при росте значения русского экспорта на мировом рынке не может удалиться. Бойкот же нашего вывоза вообще невозможен: чересчур много различия в интересах 24-х европейских государств, чтобы создать такой единый фронт против нас. Нас будут, быть может, щупать не только финансовыми средствами, но, как показала Грузия, и другими способами. Но и мы имеем щупальца. Роль наша на Востоке увеличивается, национальный вопрос наших соседей на Западе обостряется, не говоря уже о перспективах пролетарской борьбы, - так что у нас в средствах борьбы недостатка нет, только эти средства борьбы очень мало похожи на пацифизм. Возьмем главного нашего мирового противника - Америку. Казалось бы, что мы можем сделать Америке? Но ведь мы с Америкой находимся уже в очень тяжелой схватке в Китае. Америка в Китае имеет в руках половину прессы, бесконечное количество торговых палат, громадные госпитали, как средства влияния на народные массы, еще большее количество школ. Мы этих средств не имеем. Но когда в Пекинском университете студентам была предложена анкета, кто друг Китая - 400 человек высказались за Сов. Россию и 100 - за Америку. Что означает анкета студентов? Чем было студенчество в России до 1905 г.? Общественным мнением страны, мнением будущих представителей

Untitled

русской буржуазии, пролетариата и крестьянства. Китай - страна старой цивилизации, где наука имеет огромное значение. Там мнение студенчества, это - в разрезе общественное мнение наиболее живой части нации. Этот маленький эпизод означает, что Сов. Россия самым своим существованием при мизерных средствах воздействия на Китай является громадной общественной Тот факт, что вопреки запретам Англии и Америки китайское правительство должно было нас признать под напором не только интеллигенции, но и военных кругов У-пей-фу, доказывает, что мы потенциально являемся более грозным врагом американского хозяйничанья в Китае, чем Япония, имеющая там большие военные ресурсы, но возбудившая против себя народные чувства. И когда господа "пацификаторы" думают, что мы боимся этого пацифистско-демократического периода, то они ошибаются. Сов. Россия смотрит на попытки создания против нее единого фронта капиталистических держав с полным спокойствием. Она убеждена в одном, - что эти попытки приведут к обострению революционных кризисов не только в Европе, но и в Азии.

Каковы перспективы движения в Китае и на Востоке вообще? Идея удушения сотен миллионов проснувшихся уже есть идея бредовая. Только отсутствие всякого понимания условий исторического развития у идеологов и руководителей капитализма может создавать у них такую иллюзию. Китайское демократическое движение, революционно-националистическое будет в ближайшие годы развиваться с громадной силой, и оно создает для капиталистических держав орех, который будет очень трудно раскусить. Развитие этого движения приведет на Дальнем Востоке к совершенно новым перегруппировкам. Япония, которая переживает глубокий внутренний кризис, в случае победы демократических революционных элементов может изменить всю политику в Китае. Она может сделаться одним из организаторов Китая. То, что сейчас кажется полной утопией, через два года может стать фактом. В этом направлении уже работают известные силы. Русско-китайско-японское сближение лежит в области полной возможности. И если Германия исчезла, как мировая держава, то она все-таки исчезла не совсем. Союзники отняли у нее те привилегии, которые сами имеют на Дальнем Востоке и от которых мы добровольно отказались. Поэтому германский капитализм, исключенный из семьи победителей, принужден, хочет он или не хочет, завоевать себе место в Китае поддержкой стремлений, направленных на устранение привилегий крупных капиталистических держав. Он этого очень боится, но он будет к этому принужден логикой событий. Англо-американская кооперация, которая является теперь доминирующим фактором в Европе, эта англо-американская кооперация - переходный фазис, и конец англо-американской кооперации будет гвоздем в гроб демократическо-пацифистской эры. Еще не видна на открытой арене борьба Америки с Англией, но она уже есть налицо: когда встал вопрос, будет ли новая германская денежная система равняться по фунту стерлингов или по доллару, пресса, которую не читают широкие массы, но которая представляет финансовые интересы, была поприщем боев между английскими и американскими финансовыми кругами. Эта борьба ем только усилится. Мелкая буржуазия неспособна осуществить ни демократии, ни мира, - она уже сделалась орудием в руках финансового капитала и Пурсель, председатель английского съезда тред-юнионов, не знал, какой важности вопрос затронут, заметив, что в момент прихода к власти рабочего правительства в Англии и левого блока во Франции так бесшабашно распоряжаются английские и американские

Untitled

банкиры. Мелкая буржуазия может артачиться, но не в состоянии бороться с финансовым капиталом, и на смену этой так называемой демократическо-пацифистской эре скоро придет новая - схватка империалистических держав.

Но была ли эта эра случаем, останется ли она без всяких последствий? Эта эра, или, точнее, этот исторический зигзаг, имеет определенную историческую функцию. Эта историческая функция состоит в расшатывании последних иллюзий, которые сейчас являются основной силой капитализма. Громадные рабочие массы в Европе, даже в Германии, убеждены теперь в том, что и для них началось лучшее время, что Лондонская конференция означает облегчение их положения, если не социализм, то хоть сытный кусок хлеба и отсутствие опасности войны, нового империалистического насилия. На основе этих иллюзий мы имеем теперь в Европе не обострение классовой борьбы, и не полевение рабочих масс, а историческую заминку в мировом масштабе, имеем усиление II Интернационала, усиление соц.-демократов везде, где они есть. Это факт, который надо видеть, которого нельзя замазывать; но если данный исторический зигзаг кончается банкротством, то это банкротство покажет, что попытка мелкой буржуазии распутать узел не удалась. Оно означает крах последней иллюзии, а крах пацифистской иллюзии расшатывает важнейшие основы империализма. И если, по окончании этого зигзага, массы перейдут к наступлению на мировом фронте, к новой драке, буржуазия будет уже иметь дело не с пролетариатом 1923 года, а с пролетариатом, который прошел опыт этого периода. Сегодня соц.-демократия, II Интернационал является на деле экспонентом финансового капитала. Когда Троцкий это сказал в своем докладе об Америке, то многим это показалось слишком острой формулировкой. Но достаточно ознакомиться со всей меньшевистской печатью, ведущей кампанию в защиту плана Дауэса, прочесть, что соц.-демократия пишет о заслугах американских банкиров в деле умиротворения вселенной, чтобы убедиться, что соц.-демократия, которая не в состоянии была решить мировые вопросы в борьбе с капиталом, которая, бунтуя против тяжелой индустрии, связываясь с мелкой буржуазией, - вместе с этой мелкой буржуазией переживает состояние такой беспомощности, что должна сказать: "мы не можем, но Рокфеллеры, Морганы и др. смогут". Они "смогут", но смогут только по-империалистски, и поэтому вызовут новые обострения классовой борьбы; если события будут развиваться медленным темпом, когда начнет действовать доклад экспертов, тогда он выразится в неслыханных тяготах для рабочего класса; но по всей вероятности революционный под'ем начнется значительно раньше. И наш способ ускоритьдвигающиеся события состоит в том, чтобы расценивать знаменитую эру пацифизма и демократии не как маневр, а как хитрую механику, не как простую закулисную игру, игру пешек, но как процесс исторического развития, подготавливающий банкротство соц.-демократии, и суметь и себя и широкие рабочие массы подготовить к этому периоду. И говорить или думать о том, что период мировой революции кончается организацией капитала в международном масштабе руками английского и американского капитализма - это была бы идея, которая не соответствует всей структуре современного капитализма. Мир настолько велик, что было утопией думать, что даже самая сильная капиталистическая группа сможет его организовать. Силы, противодействующие этому, слишком значительны. С точки зрения национально-капиталистических организмов и Франция будет защищаться, и Германия, и Япония. Германские капиталисты, как только считают, что французские штыки

Untitled

притупились тотчас поднимают голову. Что означает теперь их протест против обвинения Германии в том, что она начала войну? Это означает, что германские капиталисты сказали: "раз вы согласились уйти из Рурского бассейна, то мы уже можем поднимать голову". Франция, которая теперь беспомощно стоит перед англо-американским капиталом, не ушла из Рурского бассейна, а если завтра понадобится, то французские капитал наложит такие подати на народные массы, что получит средства для того, чтобы попытаться сбросить иго англо-американского капитала. Буржуазия разбита на группы, и как ни велика сила американского и английского капитализма, завести порядок от Ванкувера до Москвы через Пекин - трудноватое дело, тем более трудноватое, что везде в движении находятся миллионные массы. Стабилизировать капитализм можно только за счет масс. Эти массы, думая, что мировой капитал дает им хлеб, могут на время подчиняться, но они скоро убедятся, что этот капитализм только усилит их эксплуатацию. Поэтому нет места для мысли о капиталистическом тресте, который сможет завести свой "порядок" и дать миру "мир". Это капиталистическая утопия, которая скоро обанкротится и лишний раз покажет, что мировой капитализм в теперешней империалистической фазе может дать только войну, только обострение противоречий, - и линия международной революции, которая еще много раз будет идти через заминки и зигзаги, пойдет вперед.

P. S. Эта статья была написана 2 октября, перед падением правительства Макдональда. Это падение не изменяет ничего в общей перспективе. Даже консервативное правительство не имеет причин менять общей линии политики Макдональда, а в том единственном пункте, в котором Макдональд пытался под напором рабочих масс провести политику, негодную буржуазии - в вопросе гарантии русского займа, - он не был в состоянии защитить своей позиции парламентскими средствами, ибо деньги находятся не у правительства, а у банков. Падение Макдональда доказывает только, что мелкая буржуазия в эру демократии и пацифизма является игрушкой в руках финансового капитала, а не наоборот.